

ЗОЛОТАЯ

КОЛЛЕКЦИЯ

СКАЗОК

Г.Х. Андерсен
Снежная королева
М. Метерлинк
Синяя птица
Э.А. Гофман
Щелкунчик

лп. 84(0)
А65

Ганс Христиан Андерсен
Снежная королева

Морис Метерлинк
Синяя птица

Эрнст Амадей Теодор Гофман
**Щелкунчик
и Мышиный король**

Ғ. Көçәртпә адина
Azərbaycan Dövlət Uşaq
KİTAPXANASI
INV. № 240880

Художники
Ирина и Александр Чукавины

аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТРЕЛЬ
Москва

Ганс Христиан Андерсен

Снежная королева

Рассказ первый

ЗЕРКАЛО И ЕГО ОСКОЛКИ

Ну, начнем! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь.

Так вот, жил-был тролль, злющий-презлющий; то был сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, все же негодное и безобразное, напротив, выступало еще ярче, казалось еще хуже. Прелестнейшие ландшафты выглядели в нем вареным шпинатом, а лучшие из людей — уродами, или казалось, что они стоят кверху ногами, а животов у них вовсе нет! Лица искажались до того, что нельзя было и узнать их; случись же у кого на лице веснушка или родинка, она расплывалась во все лицо. Дьявола все это ужасно потешало. Добрая, благочестивая человеческая мысль отражалась в зеркале невообразимой гримасой, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля — у него

была своя школа — рассказывали о зеркале, как о каком-то чуде.

— Теперь только, — говорили они, — можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И вот они бегали с зеркалом повсюду; скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нем в искаженном виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и самим Творцом. Чем выше поднимались они, тем сильнее кривлялось и корчилось зеркало от гримас; они еле-еле удерживали его в руках. Но вот они поднялись еще, и вдруг зеркало так перекасило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги.

Миллионы, миллиарды его осколков наделали, однако, еще больше бед, чем самое зеркало. Некоторые из них были не больше песчинки, разлетались по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть все наизусть или замечать в каждой вещи одни лишь дурные стороны — ведь каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось самое зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие, такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее! А злой тролль хохотал до колик, так приятно щекотал его успех этой выдумки. Но по свету летало еще много осколков зеркала. Послушаем же про них.

Рассказ второй

МАЛЬЧИК И ДЕВОЧКА

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем и каждому удастся отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка. Они не были в родстве, но любили друг друга, как брат и сестра. Родители их жили в мансардах смежных домов. Кровли домов почти сходились, а под выступами кровель шло по водосточному желобу, приходившемуся как раз под окошком каждой мансарды. Стоило, таким образом, шагнуть из какого-нибудь окошка на желоб, и можно было очутиться у окна соседей.

У родителей было по большому деревянному ящику; в них росли коренья и небольшие кусты роз — в каждом по одному, — осыпанные чудными цветами. Родителям пришлось в голову поставить эти ящики на дно желобов; таким

образом, от одного окна к другому тянулись словно две цветочные грядки. Горох спускался из ящиков зелеными гирляндами, розовые кусты заглядывали в окна и сплетались ветвями; образовалось нечто вроде триумфальных ворот из зелени и цветов. Так как ящики были очень высоки и дети твердо знали, что им нельзя карабкаться на них, то родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу по крыше в гости и сидеть на скамеечке под розами. И что за веселые игры устраивали они тут!

Зимой это удовольствие прекращалось, окна зачастую покрывались ледяными узорами. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замерзшим стеклам — сейчас же оттаивало чудесное кругленькое отверстие, а в него выглядывал веселый, ласковый глазок, — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка, Кай

и Герда. Летом они одним прыжком могли очутиться в гостях друг у друга, а зимою надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе перепархивал снежок.

— Это роятся белые пчелки! — говорила старушка бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик; он знал, что у настоящих пчел есть такая.

— Есть! — отвечала бабушка. — Снежинки окружают ее густым роем, но она больше их всех и никогда не остается на земле — вечно носится на черном облаке. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки; вот оттого-то они и покрываются ледяными узорами, словно цветами!

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что все это сущая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть-ка попробует! — сказал мальчик. — Я посажу ее на теплую печку, вот она и растает!

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был уже дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, укутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звездочек. Она была так прелестна, так нежна, вся из ослепительно белого льда и все же живая! Глаза ее сверкали,

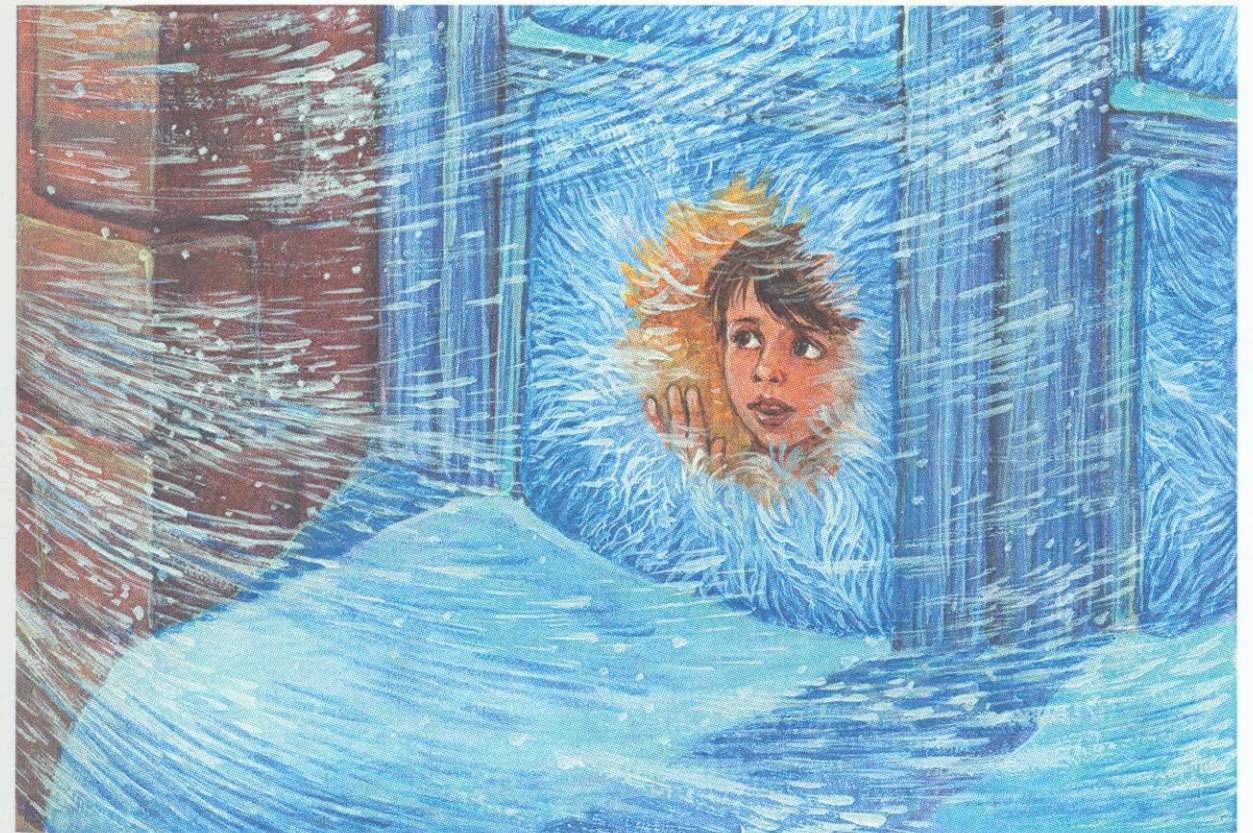

как звезды, но в них не было ни теплоты, ни кротости. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный морозец, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна. Солнышко светило, цветочные ящики опять были все в зелени, ласточки вили под крышей гнезда, окна растворили, и детям опять можно было сидеть в своем маленьком садике на крыше.

Розы цвели все лето восхитительно. Девочка выучила псалом, в котором тоже говорилось о розах; девочка пела его мальчику, думая при этом о своих розах, и он подпевал ей:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы младенца Христа.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на ясное солнышко и разговаривали с ним — им чудилось, что с него глядел на них сам младенец Христос. Что за чудное было лето, и как хорошо было под кустами благоухающих роз, которые, казалось, должны были цвести вечно!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Мне кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею, он мигал, но в глазу ничего как будто не было.

— Должно быть, выскочило! — сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. В сердце и в глаз ему попали два осколка дьявольского зеркала, в котором, как мы, конечно, помним, все великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное отражалось еще ярче, дурные стороны каждой вещи выступали еще резче. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль в глазу и в сердце уже прошла, но самые осколки в них остались.

— О чем же ты плачешь? — спросил он Герду. — У! Какая ты сейчас безобразная! Мне совсем не больно! Фу! — закричал он вдруг. — Эту розу точит червь! А та совсем кривая! Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он, толкнув ящик ногою, вырвал две розы.

— Кай, что ты делаешь? — закричала девочка, а он, увидя ее испуг, вырвал еще одну и убежал от миленькой маленькой Герды в свое окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для груд-

ных ребят; рассказывала ли что-нибудь старушка бабушка, он придирался к словам. Да если бы еще только это! А то он дошел до того, что стал передразнивать ее походку, надевать ее очки и подражать ее голосу! Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик научился передразнивать и всех соседей — он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, — и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему были осколки зеркала, что попали ему в глаз и в сердце. Потому-то он передразнивал даже миленькую маленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудреными. Раз зимою, когда шел снежок, он явился с большим

F. Koceri adina
Azərbaycan Dövlət Uşaq
KİTAPXANASI
INV. № 240880

зажигательным стеклом и подставил под снег полу своей синей куртки.

— Погляди в стекло, Герда! — сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Чудо что такое!

— Видишь, как искусно сделано! — сказал Кай. — Это куда интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы они только не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиною, крикнул Герде в самое ухо:

— Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками! — и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саням и уезжали таким образом довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел человек,

весь ушедший в белую меховую шубу и такую же шапку. Сани объехали кругом площади два раза; Кай живо привязал к ним свои санки и покатил. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он ехал дальше. Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, стемнело так, что кругом не было видно ни зги. Мальчик поспешно отпустил веревку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к большим саням и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его! Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, хотел прочесть «Отче наш», но в уме у него вертелась одна таблица умножения.

Снежные хлопья все росли и обратились под конец в больших белых куриц. Вдруг они разлетелись в стороны, боль-

шие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замерз? Полезай ко мне в шубу!

И, посадив мальчика к себе в сани, она завернула его в свою шубу; Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Все еще мерзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй ее был холоднее льда, пронизал его холодом насквозь и дошел до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Одну минуту Каю казалось, что вот-вот он умрет, но нет, напротив, стало легче, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь мои санки! — спохватился он.

И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая еще раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

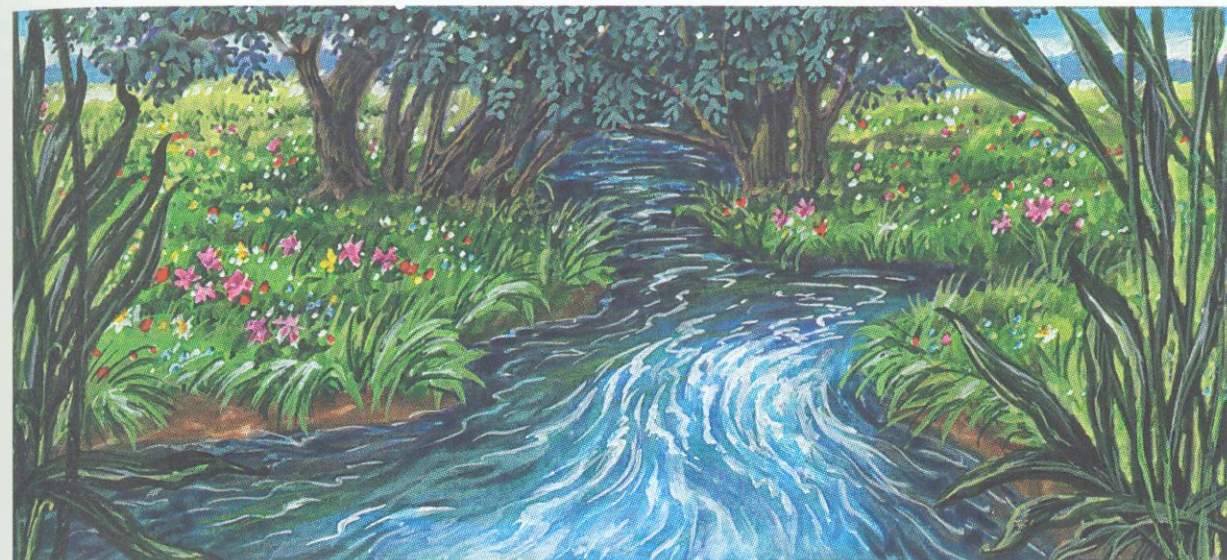
— Больше я не буду целовать тебя! — сказала она. — А не то зацелую до смерти!

Кай взглянул на нее; она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда она сидела за окном и кивала ему головой; теперь она казалась ему совершенством. Он совсем не боялся ее и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да еще с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он и в самом деле знает мало, и он устремил свой взор в бесконечное воздушное пространство. В тот же миг Снежная

королева взвилась с ним на темное свинцовое облако, и они понеслись вперед. Буря выла и стонала, словно распевая старинные песни; они летели над лесами и озерами, над морями и твердой землей; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком черные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь, — днем он спал у ног Снежной королевы.

Рассказ третий

ЦВЕТНИК ЖЕНЩИНЫ, УМЕВШЕЙ КОЛДОВАТЬ

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? Куда он девался? Никто не знал этого, никто не мог о нем ничего сообщить. Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим великолепным саням, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота. Никто не знал, куда он девался. Много было пролито о нем слез; горько и долго плакала Герда. Наконец порешили, что он умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнышко.

— Кай умер и больше не вернется! — сказала Герда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернется! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — ответили они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои новые красные башмачки — Кай ни разу еще не видал их, — сказала она однажды утром, — да пойду к реке спросить про него.

Было еще очень рано; она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинешенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названного братца? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей; тогда она сняла свои красные башмачки, первую свою драгоценность, и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же вынесли их на сушу, — река как будто не хотела брать у девочки ее драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки не очень далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмаки в воду. Лодка не была привязана

и оттолкнулась от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на сушу, но, пока пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла от берега на целый аршин и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьев, не слышал ее криков; воробьи же не могли перенести ее на сушу и только летели за ней вдоль берега да щебетали, словно желая ее утешить: «Мы здесь! Мы здесь!»

Лодку уносило все дальше; Герда сидела смирно, в одних чулках; красные башмачки ее плыли за лодкой, но не могли догнать ее.

Берега реки были очень красивы; повсюду виднелись чуднейшие цветы, высокие, раскидистые деревья, луга, на которых паслись овцы и коровы, но нигде не было видно ни одной человеческой души.

«Может быть, река несет меня к Каю?» — подумала Герда, повеселела, встала на нос и долго-долго любовалась красивыми зелеными берегами. Но вот она приплыла к боль-

шому вишневому саду, в котором приютился домик с цветными стеклами в окошках и соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо.

Герда закричала им — она приняла их за живых, — но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним еще ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала еще громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своею клюкой, притянула ее к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радешенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась чужой старухи.

— Ну, пойдем, да Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всем, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Но вот девочка кончила и спросила старуху, не видала ли она Кая. Та ответила, что он еще не проходил тут, но, верно, пройдет, так что девочке пока не о чем горевать — пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и все умеют рассказывать сказки! Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от полу и все из разноцветных — красных, голубых и желтых — стеклышек; от этого и сама ком-

ната была освещена каким-то удивительным ярким, радужным светом. На столе стояла корзинка со спелыми вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно; пока же она ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились, и кудри окружали свеженькое, круглое, словно роза, личико девочки золотым сиянием.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы проживем с тобою!

И она продолжала расчесывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названного брата Кая, — старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя

голубыми фиалками; девочка заснула, и ей снились такие сны, какие видит разве только королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть на солнышке. Так прошло много дней. Герда знала каждый цветочек в саду, но как ни много их было, ей все-таки казалось, что какого-то недостает, только какого же? Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами; самым красивым из них была как раз роза — старушка забыла ее стереть. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — сказала Герда и сейчас же побежала искать их по всему саду — нет ни одной!

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Теплые слезы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они смочили землю — куст мгновенно вырос из нее, такой же свежий, цветущий, как прежде. Герда обвила его ручонками, принялась целовать розы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у нее дома, а вместе с тем и о Кае.

Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те, как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде ее роз вспомнит о своих, а там и о Кае, да и убежит.

Сделав свое дело, старушка повела Герду в цветник. У девочки и глаза разбежались: тут были цветы всех сортов, всех времен года. Что за красота, что за благоухание! Во всем свете не сыскать было книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишневыми деревьями. Тогда ее уложили в чудесную постельку с красными шелковыми перинками, набитыми

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он? — спросила она у роз. — Верите ли вы тому, что он умер и не вернется больше?

— Он не умер! — сказали розы. — Мы ведь были под землей, где лежат все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо вам! — сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: — Не знаете ли вы, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной своей сказке или истории; их наслушалась Герда много, но ни один из цветов не сказал ни слова о Кае.

Что же рассказала ей огненная лилия?

— Слышишь, бьет барабан? Бум! Бум! Звуки очень однообразны: бум, бум! Слушай заунывное пение женщин!

Слушай крики жрецов!.. В длинном красном одеянии стоит на костре индийская вдова. Пламя вот-вот охватит ее и тело ее умершего мужа, но она думает о живом — о том, кто стоит здесь же, о том, чьи взоры жгут ее сердце сильнее пламени, которое сейчас испепелит ее тело. Разве пламя сердца может погаснуть в пламени костра!

— Ничего не понимаю! — сказала Герда.

— Это моя сказка! — отвечала огненная лилия.

Что рассказал вьюнок?

— Узкая горная тропинка ведет к гордо возвышающемуся на скале старинному рыцарскому замку. Старые кирпичные стены густо увиты плющом. Листья его цепляются за балкон, а на балконе стоит прелестная девушка; она перевесилась через перила и смотрит на дорогу. Девушка свежее розы, воздушнее колеблемого ветром цветка яблони. Как шелестит ее шелковое платье! «Неужели же он не придет?»

— Ты говоришь про Кая? — спросила Герда.

— Я рассказываю свою сказку, свои грезы! — отвечал вьюнок.

Что рассказал крошка подснежник?

— Между деревьями качается длинная доска — это качели. На доске сидят две маленькие девочки; платьица на них белые как снег, а на шляпах развеваются длинные зеленые шелковые ленты. Братишка, постарше их, стоит на коленях позади сестер, опершись о веревки; в одной руке у него — маленькая чашечка с мыльной водой, в другой — глиняная трубочка. Он пускает пузыри, доска качается, пузыри разлетаются по воздуху, переливаясь на солнце всеми цветами радуги. Вот один повис на конце трубочки и колышется от

дуновения ветра. Черненькая собачонка, легкая, как мыльный пузырь, встает на задние лапки, а передние кладет на доску, но доска взлетает кверху, собачонка падает, твкает и сердится. Дети поддразнивают ее, пузыри лопаются... Доска качается, пена разлетается — вот моя песенка!

— Она, может быть, и хороша, да ты говоришь все это таким печальным тоном! И опять ни слова о Кае!

Что скажут гиацинты?

— Жили-были три стройные, воздушные красавицы сестрицы. На одной платье было красное, на другой голубое, на третьей совсем белое. Рука об руку танцевали они при ясном лунном свете у тихого озера. То не были эльфы, но

настоящие девушки. В воздухе разлился сладкий аромат, и девушки скрылись в лесу. Вот аромат стал еще сильнее, еще слаще — из чащи леса выплыли три гроба; в них лежали красавицы сестры, а вокруг них порхали, словно живые огоньки, светляки. Спят ли девушки, или умерли? Аромат цветов говорит, что умерли. Вечерний колокол звонит по усопшим!

— Вы навели на меня грусть! — сказала Герда. — Ваши колокольчики тоже пахнут так сильно!.. Теперь у меня из головы не идут умершие девушки! Ах, неужели и Кай умер? Но розы были под землей и говорят, что его нет там!

— Динь-дан! — зазвенели колокольчики гиацинтов. — Мы звоним не над Каем! Мы и не знаем его! Мы звоним свою собственную песенку; другой мы не знаем!

И Герда пошла к золотому одуванчику, сиявшему в блестящей, зеленой траве.

— Ты, маленькое ясное солнышко! — сказала ему Герда. — Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названного братца?

Одуванчик засиял еще ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кае!

— Ранняя весна; на маленький дворик приветливо светит ясное солнышко. Ласточки вьются возле белой стены, примыкающей ко двору соседей. Из зеленой травки выглядывают первые желтенькие цветочки, сверкающие на солнышке, словно золотые. На двор вышла посидеть старушка бабушка; вот пришла из гостей ее внучка, бедная служанка, и крепко целует старушку. Поцелуй девушки дороже золота — он идет прямо от сердца. Золото на ее губах, золото в ее

сердечке, золото и на небе в утренний час! Вот и все! — сказал одуванчик.

— Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Как она скучает обо мне, как горюет! Не меньше, чем горевала о Кае! Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и спрашивать цветы — у них ничего не добьешься, они знают только свои песенки!

И она подвязала юбочку повыше, чтобы удобнее было бежать, но когда хотела перепрыгнуть через нарцисс, тот хлестнул ее по ногам. Герда остановилась, посмотрела на длинный цветок и спросила:

— Ты, может быть, знаешь что-нибудь?

И она наклонилась к нему, ожидая ответа.

Что же сказал нарцисс?

— Я вижу себя! Я вижу себя! О, как я благоухаю!.. Высоко-высоко в маленькой каморке, под самой крышей, стоит полуодетая танцовщица. Она то балансирует на одной ножке, то опять твердо стоит на обеих и попирает ими весь свет, — она ведь один обман зрения. Вот она льет из чайника воду на какой-то белый кусок материи, который держит в руках. Это ее корсаж. Чистота — лучшая красота! Белая юбочка висит на гвозде, вбитом в стену; юбка тоже выстирана водою из чайника и высушена на крыше! Вот девушка одевается и повязывает на шею ярко-желтый платочек, еще резче оттеняющий белизну платья. Опять одна ножка взвивается в воздух! Гляди, как прямо она стоит

на другой, точно цветок на своем стебельке! Я вижу себя, я вижу себя!

— Да мне мало до этого дела! — сказала Герда. — Нечего мне об этом и рассказывать!

И она побежала из сада.

Дверь была заперта лишь на задвижку; Герда дернула ржавый засов, он подался, дверь отворилась, и девочка так, босоножкой, и пустилась бежать по дороге! Раза три оглядывалась она назад, но никто не гнался за нею. Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду

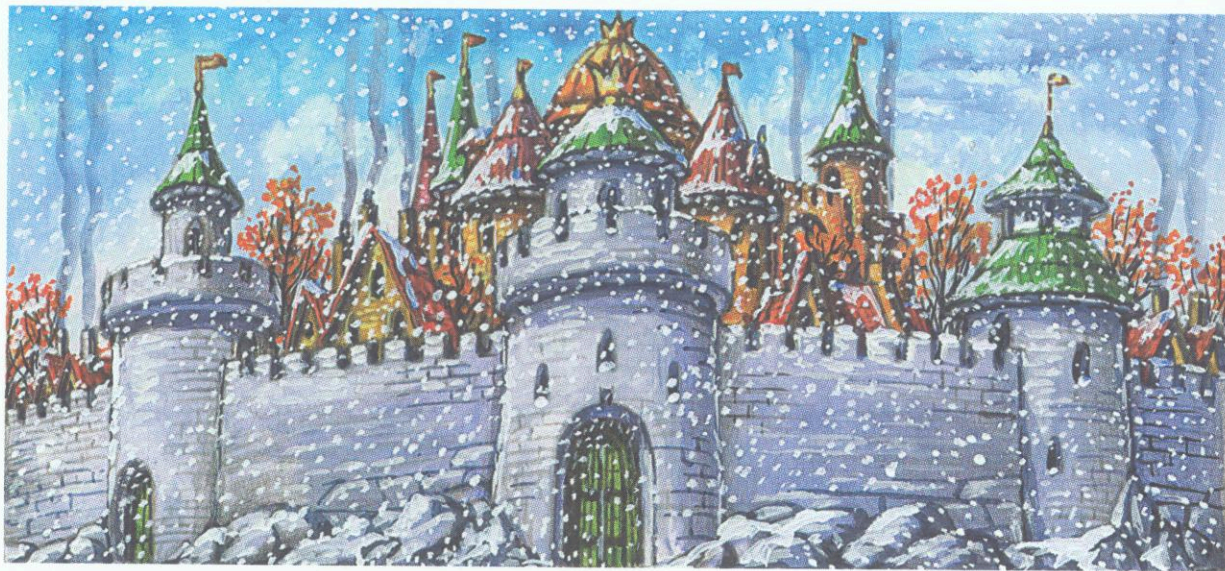

старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времен года, этого и не было заметно!

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как болели ее бедные, усталые ножки! Как холодно, сыро было в воздухе! Листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались. Один терновник стоял весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь белый свет!

Рассказ четвертый

ПРИНЦ И ПРИНЦЕССА

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон; он долго-долго смотрел на девочку, кивая ей головою, и наконец заговорил:

— Кар-кар! Здррравствуй!

Чище этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил ее, куда это она бредет по белу свету одна-одинешенька. Слова «одна-одинешенька» Герда поняла отлично и сразу почувствовала все их значение. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видал ли он Кая?

Ворон задумчиво покачал головой и сказал:

— Может быть, может быть!

— Как? Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

— Потихе, потихе! — сказал ворон. — Я думаю, что это был твой Кай! Но теперь он, верно, забыл тебя со своей принцессой!

— Разве он живет у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай! — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему! Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всем куда лучше.

— Нет, этому меня не учили! — сказала Герда. — Бабушка — та понимает! Хорошо бы и мне уметь!

— Ну, ничего! — сказал ворон. — Расскажу, как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал обо всем, что только сам знал.

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты в свете и уж позабыла все, что прочла, — вот какая умница! Раз как-то сидела она на троне, — а веселья-то в этом ведь немного, как говорят люди, — и напевала песенку: «Отчего ж бы мне не выйти замуж?» «А ведь и в самом деле!» — подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать себе такого человека, который бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы только важничать, — это ведь так скучно! И вот созвали барабанным боем всех придворных дам и объявили им волю принцессы. Все они были очень довольны и сказали: «Вот

это нам нравится! Мы и сами недавно об этом думали!» Все это истинная правда! — прибавил ворон. — У меня при дворе есть невеста, она ручная, разгуливает по дворцу, — от нее-то я и знаю все это.

Невестою его была ворона — каждый ведь ищет жену себе под стать.

— На другой день все газеты вышли с каймой из сердца и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберет себе в мужья! Да, да! — повторил ворон. — Все это так же верно, как то,

что я сижу здесь перед тобою! Народ повалил во дворец валом, пошли давка и толкотня, но толку не вышло никакого ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорили отлично, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию всю в серебре, а лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют только ее последние слова, а ей вовсе не этого было нужно! Право, их всех точно опаивали дурманом! А вот выйдя за ворота, они опять обретали дар слова. От самых ворот до дверей дворца тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам был там и видел! Женихам хотелось есть и пить, но из дворца им не выносили даже стакана воды. Правда, кто был поумнее, запасся бутербродами, но запасливые уже не делились с соседями, думая про себя: «Пусть себе поголодают, отощат — принцесса и не возьмет их!»

— Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он явился? И он пришел свататься?

— Постой! Постой! Теперь мы как раз дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, не в карете, не верхом, а просто пешком, и прямо вошел во дворец. Глаза его блестели, как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Так я нашла его! — И она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка! — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его саночки! — сказала Герда. — Он ушел из дома с санками!

— Очень возможно! — сказал ворон. — Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что,

войдя в дворцовые ворота и увидав гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головой и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут, на лестнице, я лучше войду в комнаты!» Залы все были залиты светом; вельможи расхаживали без сапог, разнося золотые блюда, — торжественнее уж нельзя было! А его сапоги так и скрипели, но он и этим не смущался.

— Это, наверно, Кай! — воскликнула Герда. — Я знаю, что на нем были новые сапоги! Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке!

— Да, они таки скрипели порядком! — продолжал ворон. — Но он смело подошел к принцессе; она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы и кавалеры со своими горничными, служанками горничных, камердинерами, слугами камердинеров и прислужником камердинерских слуг. Чем дальше кто стоял от принцессы и ближе к дверям, тем важнее, надменнее держал себя. На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без страха, такой он был важный!

— Вот страх-то! — сказала Герда. — А Кай все-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи, — так по крайней мере сказала мне моя невеста. Держался он вообще очень свободно и мило и заявил, что пришел не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже!

— Да, да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да еще с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — ответил ворон, — да как это сделать? Постой, я поговорю с моею невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!

— Меня впустят! — сказала Герда. — Только бы Кай услышал, что я тут, сейчас бы прибежал за мною!

— Подожди меня тут, у решетки! — сказал ворон, тряхнул головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

— Кар, кар! Моя невеста шлет тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его в кухне — там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть:

ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты все-таки попадешь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с черного хода, и знает, где достать ключ.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, усыпанным пожелтевшими осенними листьями, и когда все огоньки в дворцовых окнах погасли один за другим, ворон провел девочку в маленькую полуотворенную дверцу.

О, как билось сердечко Герды от страха и радостного нетерпения! Она точно собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли ее Кай! Да, да, он, верно, здесь! Она так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы, улыбку... Как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз! А как обрадуется он теперь, когда увидит ее, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, узнает, как горевали о нем все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости.

Но вот они на площадке лестницы; на шкафу горела лампа, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила ее бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, фрёкен! — сказала ручная ворона. — Ваша vita* — как это принято выражаться — также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперед. Мы пойдем прямою дорогой, тут мы никого не встретим!

* Жизнь (лат.).

— А мне кажется, кто-то идет за нами! — сказала Герда, и в ту же минуту мимо нее с легким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхами.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Они являются сюда, чтобы мысли высоких особ унеслись на охоту. Тем лучше для нас — удобнее будет рассмотреть спящих! Надеюсь, однако, что, войдя в честь, вы покажете, что у вас благодарное сердце!

— Есть о чем тут и говорить! Само собою разумеется! — сказал лесной ворон.

Тут они вошли в первую залу, всю обтянутую розовым атласом, затканым цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела и рассмотреть всадников. Одна зала была великолепнее другой — просто оторопь брала. Наконец они дошли до спальни: потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела темно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для нее вороны.

— Ах ты бедняжка! — сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не гnevаются на них — только пусть они не делают этого впредь, — и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе — они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для нее сделать. А она сложила ручки и подумала: «Как добры все люди и животные!» — закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они были похожи на Божьих ангелов и везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы! Все это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день ее одели с ног до головы в шелк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает. Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но она прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошастью и пару башмаков, — она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названного брата.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала золотая карета с сияющими, как звезды, гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и фореиторов — ей дали и фореиторов —

красовались на головах маленькие золотые короны. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути. Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею, — он не мог ехать к лошадям спиной. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не поехала провожать Герду, потому что страдала головными болями с тех пор, как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай! Прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Так проехали они первые три мили. Тут простился с девочкой и ворон. Тяжелое было расставание! Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая, как солнце, не скрылась из виду.

Рассказ пятый

МАЛЕНЬКАЯ РАЗБОЙНИЦА

Вот Герда въехала в темный лес, но карета блестела, как солнце, и сразу бросилась в глаза разбойникам. Они не выдержали и налетели на нее с криками: «Золото! Золото!» Схватили лошадей под уздцы, убили маленьких форейторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь, какая славненькая, жирненькая. Орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый, сверкающий нож. Вот ужас!

— Ай! — закричала она вдруг: ее укусила за ухо ее собственная дочка, которая сидела у нее за спиной и была такая необузданная и своевольная, что любо!

— Ах ты дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной! — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, свое хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали:

— Ишь, как скачет со своей девчонкой!

— Я хочу сесть в карету! — закричала маленькая разбойница и настояла на своем — она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались по пням и по кочкам в чащу леса. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у нее были совсем черные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя! Ты, верно, принцесса?

— Нет! — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядела на нее, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я рассержусь на тебя, — я лучше сама убью тебя!

И она отерла слезы Герде, а потом спрятала обе руки в ее хорошенькую, мягкую и теплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка. Он был весь в огромных трещинах; из них вылетали вóроны и ворóны; откуда-то выскочили огромные бульдоги и смотрели так свирепо, точно хотели всех съесть, но лаять не лаяли — это было запрещено.

Посреди огромной залы с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом пылал огонь; дым

подымался к потолку и сам должен был искать себе выход; над огнем кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца! — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жердочках больше сотни голубей; все они, казалось, спали, но, когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так трянула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки! — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянной решеткой. — Эти двое — лесные плутишки! Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина бляшка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерет! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он смерть этого боится!

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты спишь с ножом? — спросила ее Герда, покосившись на острый нож.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Как знать, что может случиться! Но расскажи мне еще раз о Кае и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету!

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали; маленькая разбойница обвила одной рукой шею Герды — в другой у нее был нож — и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют ее или оставят в живых. Разбойники сидели вокруг огня, пели

песни и пили, а старуха разбойница кувыркалась. Страшно было глядеть на это бедной девочке. Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, еще лежали в гнезде; она дохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих! Курр! Курр!

— Что вы говорите? — воскликнула Герда. — Куда же полетела Снежная королева?

— Она полетела, наверно, в Лапландию, — там ведь вечный снег и лед! Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи!

— Да, там вечный снег и лед, чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Там прыгаешь себе на воле по бескрайним сверкающим ледяным равнинам! Там раскинут летний шатер Снежной королевы, а постоянные ее чертоги — у Северного полюса, на острове Шпицберген!

— О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда.

— Лежи смирно! — сказала маленькая разбойница. — Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьезно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — отвечал олень, и глаза его заблестели. — Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам!

— Так слушай! — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши ушли; дома одна мать; немного погода

она хлебнет из большой бутылки и вздремнет — тогда я кое-что сделаю для тебя!

Тут девочка вскочила с постели, обняла мать, дернула ее за бороду и сказала:

— Здравствуй, мой маленький козлик!

А мать надавала ей по носу щелчков, так что нос у девочки покраснел и посинел, но все это делалось любя.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Еще долго-долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочут острым ножом! Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отнести ко дворцу Снежной королевы вот эту девочку, — там ее названный братец. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а у тебя вечно ушки на макушке.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала ее, ради осторожности, и подсунула под нее мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказала она затем, — возьми назад свои меховые сапожки — будет ведь холодно! А муфту уж я оставлю себе, больно она хороша! Но мерзнуть я тебе не дам; вот огромные матушкины рукавицы, они дойдут тебе до самых локтей! Сунь в них руки! Ну вот, теперь руки у тебя, как у моей безобразной матушки!

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая разбойница. — Теперь тебе надо смотреть весело! Вот тебе еще два хлеба и окорок! Что? Небось не будешь голодать!

И то и другое было привязано к оленю. Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом веревку, которой был привязан олень, и сказала ему:

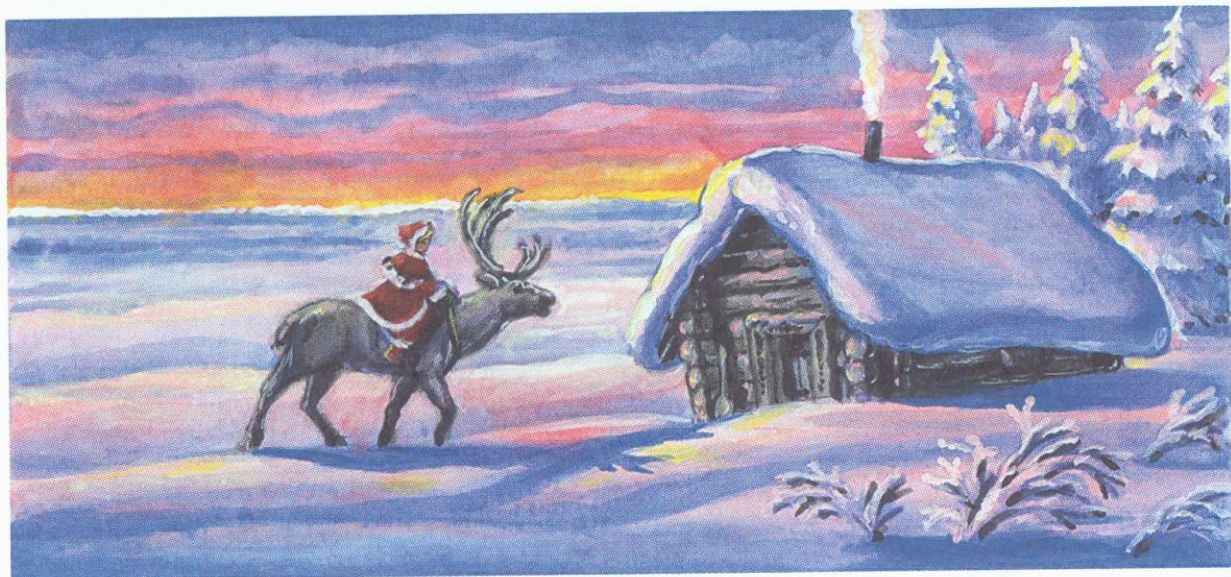
— Ну, живо! Да береги смотри девчонку!

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки, по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали, а небо вдруг зафукало и выбросило столбы огня.

— Вот мое родное северное сияние! — сказал олень. — Гляди, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот Герда очутилась в Лапландии.

Рассказ шестой

ЛАПЛАНДКА И ФИНКА

Олень остановился у жалкой избушки; крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в нее на четвереньках. Дома была одна старуха лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную — она казалась ему гораздо важнее. Герда же так ооченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка. — Долгий же вам еще предстоит путь! Придется сделать сто миль с лишком, пока доберетесь до Финмарка, где Снежная королева живет на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу пару слов на сушеной треске — бумаги у меня нет, — а вы снесете ее финке, которая живет в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала пару слов на сушеной треске, велела Герде хорошенько беречь ее, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался. Небо опять фукало и выбрасывало столбы чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой и до Финмарка и постучался в дымовую трубу финки — у нее и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в ее жилье! Сама финка, низенькая грязная женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды все платье, рукавицы и сапоги — иначе девочке было бы чересчур жарко, — положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушеной треске. Она прочла все от слова до слова три раза,

пока не заучила наизусть, и потом сунула треску в котел — рыба ведь годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазками, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина! — сказал олень. — Я знаю, что ты можешь связать одной ниткой все четыре ветра; когда шкипер развяжет один узел — подует попутный ветер, развяжет другой — погода разыграется, а развяжет третий и четвертый — подымется такая буря, что поломает в щепки деревья. Не изготовишь ли ты для девочки такого питья, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

— Силу двенадцати богатырей! — сказала финка. — Да, много в этом толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: на нем стояли какие-то удивительные письмена; финка принялась читать их и читала до того, что ее пот прошиб.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слез глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя ему на голове лед, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе он никогда не будет человеком и Снежная королева сохранит над ним свою власть.

— Но не сможешь ли ты Герде как-нибудь уничтожить эту власть?

— Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать. Не видишь разве, как велика ее сила? Не видишь, что ей служат и люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Не у нас занимать ей силу! Сила — в ее милом, невинном детском сердечке. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколки, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти

у большого куста, покрытого красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно!

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без теплых сапог! Ай, я без рукавиц! — закричала Герда, ощутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами; тут он спустил девочку, поцеловал ее в самые губы, и из глаз его покатались крупные блестящие слезы. Затем он стрелой пустился назад. Бедная девочка осталась одна-одинешенька, на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперед что было мочи; навстречу ей несся целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное, и на нем пылало северное сияние, — нет, они бежали по земле прямо на Герду и, по мере приближения, становились все крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие красивые хлопья под зажигательным стеклом, но эти были куда больше, страшнее, самых удивительных видов и форм и все живые. Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие — стоголовых змей, третьи — толстых медвежат с взъерошенной шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Герда начала читать «Отче наш»; было так холодно, что дыхание девочки сейчас же превращалось в густой туман. Туман этот все сгущался и сгущался, но вот из него начали выделяться маленькие, светлые ангелочки, которые, ступив на землю, вырастали в больших грозных ангелов со шлемами на головах и копьями и щитами в руках. Число их все

прибывало, и когда Герда окончила молитву, вокруг нее образовался уже целый легион. Ангелы приняли снежных страшилищ на копья, и те рассыпались на тысячи снежинок. Герда могла теперь смело идти вперед; ангелы гладили ее руки и ноги, и ей не было уже так холодно. Наконец девочка добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что делал в это время Кай. Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она стоит перед замком.

Рассказ седьмой

ЧТО ПРОИСХОДИЛО В ЧЕРТОГАХ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ И ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОТОМ

Стены чертогов Снежной королевы намела метель, окна и двери проделали буйные ветры. Сотни огромных, освещенных северным сиянием зал тянулись одна за другой; самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда! Хоть бы редкий раз устроилась бы здесь медвежья вечеринка с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи, или составила партия в карты с ссорами и дракой, или, наконец, сошлись на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки лисички — нет, никогда этого не случалось! Холодно, пустынно, мертво! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту

свет усилится и в какую ослабеет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замерзшее озеро. Лед треснул на нем на тысячи кусков, ровных и правильных на диво. Посреди озера стоял трон Снежной королевы; на нем она восседала, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по ее мнению, это было единственное и лучшее зеркало в мире.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого, — поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и самое сердце его стало куском льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра — складывание фигур из деревянных дощечек, которая называется «китайской головоломкой». Кай тоже складывал разные затейливые фигуры из льдин, и это называлось «ледяной игрой разума». В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первой важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала! Он складывал из льдин и целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слова «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в теплые края! — сказала Снежная королева. — Загляну в черные котлы!

Котлами она называла кратеры огнедышащих гор — Везувия и Этны.

— Я побелю их немножко! Это хорошо после лимонов и винограда!

И она улетела, а Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и все думал, думал, так что в голове у него трещало. Он сидел на одном месте — такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он замерз.

В это-то время в огромные ворота, проделанные буйными ветрами, входила Герда. Она прочла вечернюю молитву, и ветры улеглись, точно заснули. Она свободно вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Девочка сейчас же узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел все такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слезы ее упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок. Кай взглянул на Герду, а она запела:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы младенца Христа.

Кай вдруг залился слезами и плакал так долго и так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и очень обрадовался.

— Герда! Милая моя Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — И он оглянулся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева; сложив его, он мог сделаться сам себе господином, да еще получить от нее в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять зацвели розами, поцеловала его в глаза, и они заблестали, как ее глаза; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым.

Снежная королева могла вернуться когда угодно, — его вольная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из пустынных ледяных чертогов; они шли и говорили о бабушке, о своих розах, и на пути их стихали буйные ветры, проглядывало солнышко. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень. Он привел с собою молодую оленью матку, вымя ее было полно молока; она напоила им Кая и Герду и поцеловала их прямо в губы. Затем Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у нее и узнали дорогу домой, а потом к лапландке; та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Оленья парочка тоже провожала молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с оленями и с лапландкой.

— Счастливого пути! — крикнули им провожатые. Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелеными почками. Из леса навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетами за поясом. Герда сразу узнала и лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету — и девушку. Это была маленькая разбойница; ей наскучило жить дома, и она захотела побывать на севере, а если там не понравится — и в других местах. Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты бродяга! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Но Герда потрепала ее по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края! — отвечала молодая разбойница.

— А ворон с вороной? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с черной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но все это пустяки, а ты вот Расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всем.

— Ну, вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет в их город.

Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда своей. Они шли, и на их дороге расцветали весенние цветы, зелене-ла травка. Вот раздался колокольный звон, и они узнали ко-локольни своего родного городка. Они поднялись по знако-мой лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: так же тикали часы, так же двигалась часовая стрелка. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что успели за это время сделаться взрослыми людьми. Цветущие розовые ку-сты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стоя-ли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великоле-пие чертогов Снежной королевы было забыто ими, как тя-желый сон. Бабушка сидела на солнышке и громко читала Евангелие: «Если не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное!»

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли
смысл старого псалма:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы младенца Христа.

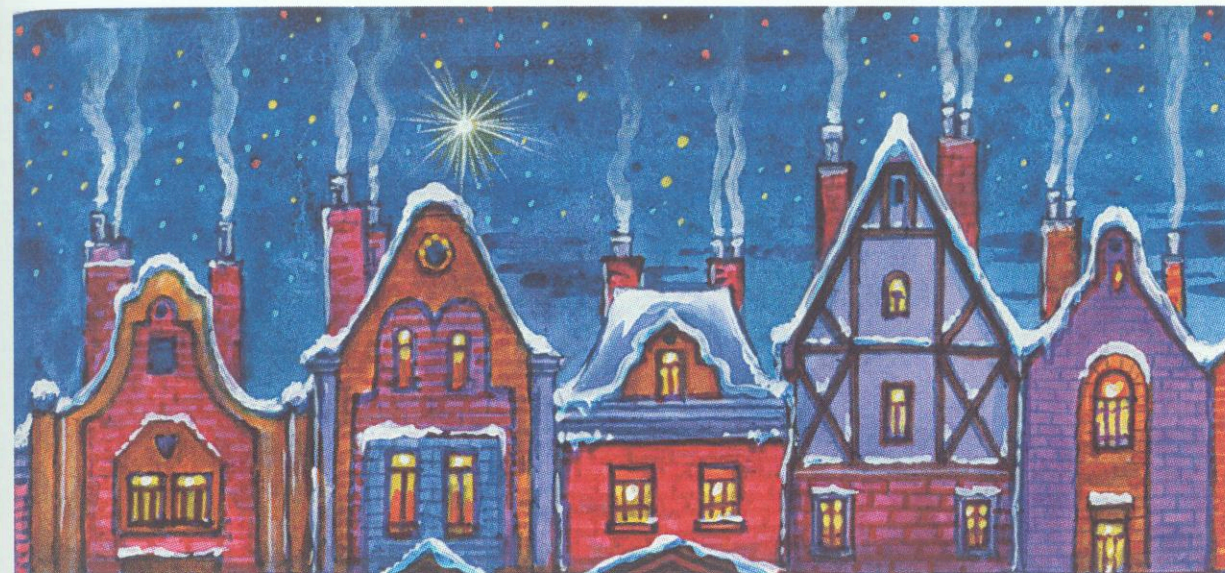
Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети
сердцем и душою, а на дворе стояло теплое, благодатное
лето!

Морис Метерлинк

Синяя птица

Глава первая

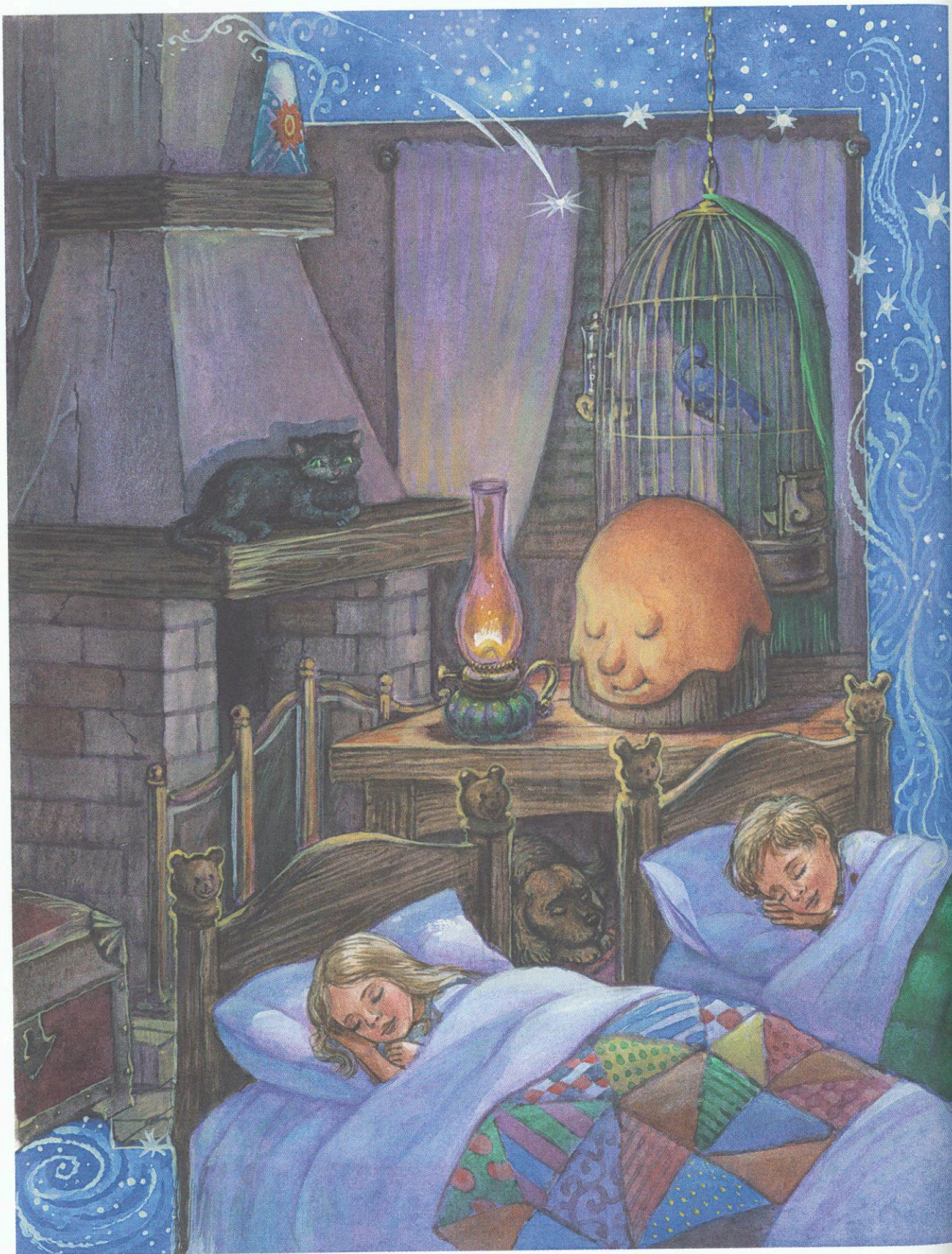
ФЕЯ БЕРИЛЮНА

Ночь спустилась над горами и долинами Фландрии, над островерхими крышами домов, над бедной хижинной дровосека. Не обычная ночь, а самая таинственная, Рождественская. В эту прекрасную ночь к детям неслышно приходит святочный дед Санта Клаус, кладет им, спящим, под подушки свои подарки.

Дети дровосека Тиля, маленькие брат и сестра Тильтиль и Митиль, спали крепким сном. Спала в своей круглой клетке и любимая птица Тильтиля — голубая горлица. Спала, свернувшись на печке клубочком, черная кошка Тилетта. Спал под лавкой преданный пес Тило. Спало тесто в квашне. Спала высокая сахарная голова на полке. Спала керосиновая лампа на столе.

И вдруг фитиль в лампе сам собой стал медленно разгораться. Вот уж и веселый язычок пламени трепещет за пузатым ламповым стеклом. А за окном, закрытым ставнями,

послышалась веселая музыка. Тильтиль и Митиль проснулись и бросились к окну. Как удивительно было на улице! К богатому дому напротив подъезжали запряженные белыми конями кареты. Из них выпархивали нарядные мальчики и девочки. Они устремлялись в дом, где уже ждала их сверкающая рождественская елка, а стол был уставлен блюдами с восхитительными пирожками и удивительными пирожными. Ни разу в жизни Тильтиль и Митиль не пробовали таких лакомых угощений. Даже вкуса их не знали. А богатые мальчики и девочки — вы только подумайте! — не спешили наброситься на еду, съесть эти чудесные пирожные, насладиться этими необыкновенными пирожками! Ну, конечно, они ведь могут есть такие вкусности каждый день. Но Тильтиль и Митиль тоже могут есть сколько угодно пирожков и пирожных. Только воображаемых.

— Я съела уже двенадцать пирожных! — воскликнула Митиль.

— А я... я четыре раза по двенадцать! — похвастал Тильтиль.

— Как вкусно! Как вкусно! — повторяли они и весело смеялись.

Вот и к ним пришло Рождество. И не воображаемое, а самое настоящее, потому что веселье-то их было вовсе не придуманное. Взявшись за руки, Тильтиль и Митиль радостно запрыгали по комнате. Вместе с ними приплясывал огонек в керосиновой лампе, ухало тесто в квашне, плескалось молоко в кувшине, поскрипывала сахарная голова на полке. Дети так расшумелись, что не сразу услышали стук в дверь:

— Тум-тум!

— Ой, кто это? — испугалась Митиль.

— Отец! — прошептал Тильтиль и уже хотел было нырнуть под одеяло, когда дверь медленно растворилась.

Перед ними стояла крохотная старушонка в зеленом платье и красном чепце. Ух, и страшна она была! Горбатая, одноглазая, хромая, нос крючком. А голос какой хриплый и ворчливый!

— Нет ли у вас, дети, Синей Птицы? — прохрипела старушонка.

Тильтиль сразу взглянул на горлицу. Как? Отдать ее этой страшной старушонке? Ни за что!

А странная гостя проворчала:

— Твоя птица мне не нужна. Она не синяя и не спасет мою умирающую внучку.

— Она больна? Что с ней? — встревожилась Митиль.

— Не знаю. Но ей хочется быть счастливой. А счастье приносит Синяя Птица. Мы, феи, это знаем.

Какая же она фея? Старая, некрасивая. Феи прекрасны и таинственны. А эта старушонка похожа на их бедную соседку тетушку Берленго.

А старушка продолжала:

— Да, я фея Берилюна. И очень прошу вас, нет, приказываю пойти за Синей Птицей. Только дети и лишь в Рождественскую ночь могут поймать ее.

Тильтиль и Митиль смотрели на две седые прядки волос, выбившихся из-под чепца, и никак не могли поверить, что перед ними фея.

— Ах, люди, люди, — проворчала фея, — они слепы и видят лишь то, что можно увидеть глазами. Но вам, дети, я верну зрение. Вот смотрите!

И она вынула из кармана фартука маленькую зеленую шапочку с блестящей, сверкающей... пряжкой? Пуговицей?

— Это алмаз, — сказала фея Берилюна. — Стоит надеть шапочку на голову, повернуть алмаз справа налево, и вы прозреете. Станете видеть то, что обычно скрыто от глаз — души людей и вещей. Надень эту шапочку, Тильтиль, она поможет отыскать Синюю Птицу.

— Мы найдем ее! Обязательно найдем! — воскликнул Тильтиль.

— Но вам придется обойти весь свет, а может быть, и заглянуть в Прошлое и Будущее. И все пешком, — сказала фея. — Тут бы пригодился ковер-самолет, да я куда-то за девала ключ от сундука, где он хранится.

И фея протянула Тильтилю зеленую шапочку. Он надел ее, осторожно повернул алмаз, и... И комната наполнилась звуками и голосами. Часы на стене заходили ходуном, циферблат расплылся в улыбке, и с него посыпались, посыпали на пол крохотные человечки, похожие на цифры. Они вихрем закружились в хороводе, напевая колокольчиковыми голосами:

Тинь-тинь, Тильтиль,
Динь-динь, Митиль!
Весь день, день-день,
Нам петь не лень!

— Кто это? — восхитилась Митиль.

— Это счастливые минутки вашей жизни, — засмеялась фея. — Видите, их не так уж и мало.

Тильтиль и Митиль взглянули на фею и ахнули! Перед ними стояла уже не горбатая старушонка, а стройная сказочная принцесса. Волны чудесных золотистых, словно спелые колосья, волос стекали по ее плечам. Небесно-голубые

глаза излучали ясный свет. А улыбка, нежная, ласковая, навевала покой и радость.

— Ну, что, нравлюсь я вам? — спросила фея мелодичным голосом.

— Еще как! — прошептал Тильтиль.

А Митиль только всплеснула руками. В этот момент кто-то недовольно запыхтел, заворчал, заворочался. Из квашни показалась голова, похожая на горбушку круглого каравая. И вот уже весь Хлеб, толстый, мягкий, румяный вылез наружу и зашлепал по полу. Он, отфыркиваясь, пробормотал:

— Ну и теснотища в этой квашне! Все бока пообмял!

Звякнула дужка ведра. Из него, разбрызгивая сверкающие капли, выплеснулась, поднялась прозрачная девушка со струящимися волосами.

— Вода! Вода! Держитесь от меня подальше! — закричал ей Огонь, который только что вылез из очага. Его алый плащ взметнулся, а горящие глаза сердито засверкали.

Тильтиль и Митиль с изумлением оглядывали свою ожившую, заговорившую комнату. А тут еще на полке завозился, зашевелился Сахар и стал осторожно спускаться на пол свои длинные ноги. Вот уж он стоит перед ними, преломившись в поклоне.

— Барышня, — вкрадчиво обратился он к Митиль, — не желаете ли отведать леденцов?

Не успела Митиль ответить, как Сахар — о ужас! — с хрустом отломил свой палец.

— Не волнуйтесь, — успокоил он, — я же Сахар, и пальцы мои леденцовые. А на месте того вырос новый. Полюбуйтесь!

И он, сладко улыбаясь, протянул детям целый пучок леденцов.

В этот момент Вода взмахнула рукавом, брызги веером разлетелись по комнате, попали на плащ Огня, и он злобно зашипел. Из угла раздался вкрадчивый голосок кошки Тилетты.

— Ах, миленькая, — промурлыкала она, обнимая Митиль своими мягкими лапками, — я вас так люблю, так обожаю!

— Вр-решь! — зарычал пес Тило. — Знаем мы вас, кошек! Лукавицы. Это мы, собаки, пр-рреданы хозяевам, как собаки.

— Не ссориться! — топнула ногой фея. — Вы все вместе должны отправиться за Синей Птицей и в пути помогать друг другу.

— А вы тоже с нами пойдете? — спросила Митиль.

— Я всегда приду вам на помощь. Но не могу оставить свою маленькую внучку, — сказала фея. — С вами отправится вот кто...

И она легко взмахнула рукой. Комната озарилась мерцающим светом, нежная колокольчиковая музыка заполнила все углы. Огонек внутри керосиновой лампы вытянулся, побледнел, оторвался от фитилька, и перед детьми предстала несказанной красоты девушка. Голубоватый свет источали ее одежды, ласковой теплотой светилось ее лицо.

— Кто вы? — восхитился Тильтиль.

— Душа Света! — ответила девушка. — Ты сам меня вызвал, мой мальчик. Я пойду с вами за Синей Птицей.

— И я! — гавкнул пес. — Я всегда с тобой, мой маленький повелитель.

— И я, — мяукнула кошка, ласкаясь к Митиль.

— И я, и я, и я! — закричали Хлеб, Вода, Огонь.

— Но помните, — сказала фея, — в то мгновение, когда вы найдете Синюю Птицу, все исчезнет для вас. Дети ока-

жутся дома, а вы, ожившие вещи и животные, вернетесь к своей обычной жизни. Огонь в очаг. Хлеб в квашню. Вода в ведро. Кошка и собака снова забудут человеческую речь.

— Э, так не пойдет, — проворчал Хлеб. — В квашне тесно.

— Ску-учно плескаться в ведре-ее, — захныкала Вода.

— Я не согласен! — вспылil Огонь. — Все равно выскочу из очага! И тогда берегитесь!

— Что бы ни случилось, я с тобой, мой маленький повелитель! — рявкнул пес Тило и обнял Тильтиля.

А кошка Тилетта подбежала к фее и стала ластиться к ней.

— Фея, феечка! — вкрадчиво промяукала она. — А можно мне не ходить за Синей Птицей? Я подожду детей здесь, дома.

— Все пойдут с детьми, — строго сказала фея. — А иначе... — И она повелительно кивнула Тильтилю: — Мальчик, поверни алмаз на шапочке в обратную сторону.

Тильтиль послушно коснулся алмаза, слегка повернул его.

В комнату, разгоняя волшебный свет, хлынула ночная мгла. Огонь, извиваясь, взмахивая полами своего алого плаща, нехотя потянулся в очаг. Толстый Хлеб размяк, расквасился, почти превратился в тесто и, пузырясь, пытался втиснуться обратно в квашню. Вода совсем расплакалась, растеклась и еле-еле успела булькнуть в ведро. Сахар принялся с хрустом кутаться в свою оберточную бумагу. Кошка мяукнула, но уже ничего нельзя было разобрать, кроме ее «мяу»! Она снова стала устраиваться на теплой печке. Только пес продолжал крутиться около Тильтиля и Митиль, виляя хвостом и преданно заглядывая им в глаза, словно

хотел сказать: «Я с вами, что бы ни случилось!» Мягко пове-
ла белым рукавом Душа Света и стала совсем прозрачной.

— Не надо! Не надо! — закричала Митиль. — Я не хочу
с ними со всеми расставаться!

Тильтиль по мановению феи снова повернул алмаз,
и вновь ожили Хлеб, Огонь, Вода. Встрепенулась кошка
и спрыгнула с печки. Душа Света наполнилась таким сия-
нием, что все ночные тени растаяли.

— Теперь вы поняли, что находитесь во власти детей? —
сурово спросила фея. — Служите им верой и правдой в пути.
А вы, дети, отправляйтесь. Я жду вас. Душа Света будет
освещать вам дорогу.

Глава вторая

ЗАГОВОР

Неслышно распахнулись створки окна, и они один за
другим выскользнули на ночную морозную улицу. И тут
обнаружили, что им не холодно: фея одела их на свой вкус.
В ее сказочном сундуке хранились всякие наряды. Тильтиль
оказался в костюме Мальчика-с-пальчик. Теплая зеленая
курточка и темно-красные штаны ладно сидели на нем,
крепкие желтые башмаки весело пристукивали по заледене-
лой дорожке. Митиль была наряжена Красной Шапочкой,
а на ногах у нее поблескивали туфельки Золушки. Толстый
Хлеб кутался в просторный расшитый халат Турецкого паши.
Но и этот халат не мог скрыть его надутого, словно шар, жи-
вот. На голове у Хлеба красовался высокий тюрбан. В этом
наряде он был бы похож на Синюю Бороду, если бы не его
толстые румяные щеки. Огонь остался в своем плаще, ко-
торый он даже не запахнул. Еще бы! Никакой мороз ему не
страшен. Зато Вода просто дрожала от холода. Она так боя-

ласть замерзнуть. Теплый туман окутывал ее с ног до головы, увитой густыми водорослями. Следом за ней шел Сахар в шелках, хрустящих и шелестящих, как оберточная бумага.

— Нет, вы только посмотрите на эту наглую кошку! — ворчал пес Тило, нахлобучивая на уши клеенчатую шляпу. — Расфуфырилась, будто знатная дама.

А кошка Тилетта в костюме, усыпанном блестками, словно звездами, в ладных сапожках и шляпке с перьями вилась вокруг Тильтиля и Митиль, ластясь и намякуивая на ухо девочке ласковые слова.

Душа Света, разгоняя тьму, стремительно уходила вперед, увлекая за собой детей. Кошка незаметно потянула Хлеб за полу халата.

— Не торопись, — шепнула она, — и передай остальным, чтобы поотстали.

— Это зачем? Чтобы заблудиться? — недовольно проворчал Хлеб.

— Глупый толстяк! Дело идет о нашей жизни! — прошипела кошка Тилетта.

— Ну, если та-ак... — недоверчиво протянул Хлеб и замедлил шаг.

Вскоре вокруг кошки собрались все — и Огонь, и Вода, и Сахар, и Хлеб. Только пес Тило преданно бежал у ног Тильтиля. Но и он, заподозрив что-то неладное, немного поотстал.

— Друзья, где вы? — позвал Тильтиль. — Не потеряйтесь!

— Мы здесь, не волнуйся! — ответила кошка Тилетта. — Я прекрасно вижу в темноте и не заблужусь. — А сама зашептала: — Вы слышали, что сказала фея? Как только дети найдут Синюю Птицу, мы снова превратимся в безмолв-

ные существа. Хлеб возвратится в квашню. Огонь будет, как и прежде, потрескивать взаперти в печке. Воду расплещут, разберут на суп и умывание, а Сахар съедят понемножку.

— Что же нам делать? — всполошился Сахар.

— Я все спалю! — загорелся Огонь.

— Я залью их слезами! — всхлипнула Вода.

— Чепуха! — остановила их кошка Тилетта. — У Тильтиля есть волшебный алмаз. Вы и ахнуть не успеете, как он возвратит вас на место.

— Тогда все пропало! — поник Хлеб.

Но кошка Тилетта стукнула его лапкой по пухлому животу и хихикнула:

— Если бы твой большой живот умел думать, ты бы, Хлеб, был самым умным на свете! Я знаю, что делать. Мы должны помешать детям найти Синюю Птицу. Чем дольше они будут искать ее, тем больше мы проживем.

— Bravo, Тилетта! — захолопал пухлыми своими ладонями Хлеб.

— Друзья, где вы? — прокричал Тильтиль. — Не потеряйтесь!

— Мы здесь. Не волнуйся, — ответила кошка Тилетта, лукаво сверкнув глазами. — Я вижу в темноте, как днем, не заблужусь.

— Но все-таки человек... — начал было Сахар.

— Что человек? — прервала его кошка. — До его появления Вода и Огонь были повелителями мира. А мы, животные, были свободны. Посмотрите, что стало с нами теперь. Человек — ваш враг!

Тут из темноты вырвался пес Тило. Он с рычанием набросился на кошку.

— Ну-ка повтори, что ты сказала! Я... р-рр... не позволю... р-рр... обижать... р-рр... детей! — захлебывался он.

— Ты что же, хочешь снова превратиться в дворовую собачку, лаять и вилять хвостом? — язвительно спросила кошка.

— Ради человека я готов на все! — не унимался пес Тило. — Человек — мое божество, и я готов исполнить любую его волю, любое желание. А всех его врагов загрызу! Р-разорву на части!

— Б-б-браво! — залепетал Хлеб. — Я с вами вполне согласен!

— Не ссорьтесь, только не ссорьтесь, вы все правы, — слащавым голосом увещевал их Сахар.

Тильтиль услышал шум, рычание пса, злобное шипение кошки и крикнул:

— Тило! Ко мне! Вы что там затеяли?

Кошка Тилетта тут же бросилась к Митиль и жалобно промяукала:

— Этот грубиян Тило чуть не разорвал меня!

Тильтиль укоризненно покачал головой.

— Как тебе не стыдно, Тило? — спросил он.

Пес возмущенно клацнул зубами и оскалился на кошку.

— Ты бы знал, Тильтиль, что она говорит! Да как она смеет? Да я ее...

— Молчать! — рассердился Тильтиль. — На место!

И пес покорно поплелся следом, не смея возражать своему повелителю. Но украдкой он оглядывался на кошку и грозил ей лапой. А та только посмеивалась и без конца ластилась к девочке, ласково щекоча ее своим шелковистым мехом. Хлеб и Сахар нехотя тащились по дороге. Огонь и Вода старались держаться подальше друг от друга.

Туманная мгла набегала волнами. Душа Света мерцала в этом ночном тумане, словно яркая звезда. Вдруг она остановилась и обернулась к детям.

— Дальше вы пойдете одни, — сказала она. — Так велела фея. А мы все подождем вас здесь. Вы должны вернуться ровно в девять. Запомните. Так велела фея.

— Ночью? Неизвестно где? Одни? — всполошился Хлеб.

— Так велела фея, — непреклонно повторила Душа Света. — В страну Воспоминаний попадают только люди. Хлеб, передай Митиль серебряную клетку. Вдруг они встретят там Синюю Птицу?

— Синюю Птицу? — промяукала кошка Тилетта. — Может быть, мне будет позволено пойти с ними? Я умею ловить птиц.

— Тогда и я пойду! — рявкнул пес Тило. — Все твои козни р-разрушу! Р-рр!

— Ты опять за свое, Тило! — прикрикнул на него Тиль-тиль. — Если будешь ссориться с кошкой, накажу!

— Не теряйте времени, идите, — сказала Душа Света. — А вы, Тило и Тилетта, успокойтесь.

— Не плачь, моя Тилетточка, — погладила кошку Митиль. — Мы скоро вернемся. Найдем Синюю Птицу и возвратимся домой.

Кошка ничего не ответила, но в усы себе прошептала:

— Лучше бы вы вовсе не возвращались!

— Не забудьте — ровно в девять! — напутствовала их Душа Света.

Глава третья

СТРАНА ВОСПОМИНАНИЙ

Туман так сгустился, что детям казалось, будто они плывут в молоке. Ни рук своих, ни ног они не видели. Как же они найдут дорогу в страну Воспоминаний? Да и что это за страна такая? Может, ее и нет вовсе, а фея просто подшутила над ними? И все друзья остались где-то позади. И Душа Света их оставила. Никто не осветит дорогу, не укажет путь.

— Я ничего не вижу! Мне холодно! — захныкала Митиль. — Хочу домой! — И она заплакала, обняв серебряную клетку.

— Не надо, Митиль, — утешал ее брат. — Ты же большая девочка, а плачешь, как Вода. Гляди, и туман рассеивается.

И впрямь туман стал разваливаться на куски, словно простокваша. В промежутках проглядывали деревья, кусты, каменистая дорога. Вдруг прямо перед детьми вырос громадный дуб. Они стояли у его подножия, а тяжелые

густые ветви заслоняли все вокруг. Тильтиль приподнялся на цыпочки и разглядел прибитую к стволу дуба дощечку. На ней было написано: «СТРАНА ВОСПОМИНАНИЙ». И стрелка указывала дорогу.

— Вот видишь, мы и пришли! — обрадовался Тильтиль.

— Но я же ничего не вижу! — капризничала Митиль. — И потом, что это за страна Воспоминаний? Кого мы там встретим?

— В стране Воспоминаний живут те, о ком мы помним, даже если их давно уж нет на свете. Так говорила фея.

— И мы встретим там бабушку? — спросила Митиль. — Я ее всегда вспоминаю.

— А я часто вспоминаю дедушку, — тихо сказал Тильтиль.

— Мы их встретим обоих! — захопала в ладоши Митиль. — Скорей пошли вперед. Туда, куда указывает стрелка!

И они двинулись сквозь туман. Он становился все прозрачнее. И еще делалось все теплее. словно они из зимы попали в лето. Вот уж и зеленая травка под ногами. И небо голубеет. И в тени цветущих деревьев стоит увитый плющом маленький домик, вокруг него, словно крохотные хижинки, — ульи. Но странно, не скрипят ставни, не распахиваются двери дома, не жужжат пчелы, не шелохнется ни один листок на дереве. Ни звука, ни шороха, ни ветерка. Будто все это нарисовано на картинке.

Все ближе и ближе подходили Тильтиль и Митиль к странному домику. Вот уж видна на окне клетка с дроздом. Спит птица, засунув голову под крыло. А на скамейке перед домом сидят старичок и старушка. Руки сложили на коленях, глаза закрыты. И они спят? И облака над крышей застыли.

И дым из трубы стоит неподвижно. И даже пчелка, словно подвешенная на ниточке, зависла в воздухе.

— Тильтиль, — сказала Митиль, — помнишь, у нас был точно такой же дрозд? Он давно уже умер.

Вдруг дрозд в клетке выпростал голову из-под крыла и чивирикнул!

— И улыбки точно такие же, как были у бабушки с дедушкой, — вспомнил Тильтиль. — Помнишь, когда мы приходили к ним, нас просто оглушало жужжание пчел?

И, вдруг пчела, что висела в воздухе, мелькнула и стремительно понеслась к улью. Оттуда навстречу ей вылетел целый рой пчел. Все вокруг наполнилось ровным жужжанием.

— Ой, домик точь-в-точь как тот, бабушкин-дедушкин! — ахнула Митиль. — И вон то дерево, на которое ты так любил влезать, а бабушка сердилась! Помнишь?

Заскрипели ставни, колышимые ветерком. Зашумела листва на дереве. А старичок со старушкой медленно открыли глаза.

— Бабушка! — закричала Митиль.

— Дедушка! — крикнул Тильтиль.

— Вы живы? — воскликнули они вместе и со всех ног бросились к домику.

А бабушка с дедушкой, побряхтывая, поднимались со скамейки. Они потягивались, поохивали, поахивали, вздыхали. Тяжело старым!

— Чувствую я, ох, чувствую, что внуки о нас вспомнили, — сказала бабушка. — У меня словно сил прибавилось.

А дедушка постукал палкой о землю, покрутил головой и удивленно пробормотал:

— Надо же, и ноги окрепли. Может, и впрямь где-то они близко, наши Митиль и Тильтиль?

Так они и стояли, бабушка и дедушка, рядом, приложив ладони к глазам и всматриваясь в скрытую редким туманом дорогу. И вот на этой дороге послышался дробный топот детских ног, послышались звонкие голоса. Из тумана вынырнули мальчик и девочка. Он в зеленой курточке. Она в красной шапочке.

— Бабушка! Дедушка! — кричали дети. — Это мы!

— Тильтиль! — заулыбался дедушка.

— Митиль! — всплеснула руками бабушка.

— Милые наши внуки! — воскликнули они оба.

Старички попытались побежать навстречу детям, но слабые ноги уже не несли их.

— Ох, — сказала бабушка, — совсем ревматизм замучил.

— Эх, — вздохнул дедушка, — давным-давно я сломал ногу, так по сей день и хромаю, с палочкой ковыляю.

Но дети уже вот они. Кинулись на шею бабушке и дедушке. Митиль со слезами на глазах целовала бабушку. Тильтиль крепко обнимал дедушку, у которого слезы катились по морщинистым щекам. Они обнимались, целовались, глядели друг на друга и не могли наглядеться. Сколько уж времени прошло, как не стало на свете бабушки и дедушки. И не чаяли дети снова их увидеть. Думали, пропали они навсегда. А они живут здесь, в стране Воспоминаний. И нисколько не изменились. Бабушка такая же ласковая. Дедушка такой же добрый. Снова можно забраться к дедушке на колени. Опять можно прикинуться к бабушке, и она нежно погладит тебя по головке.

— Митиль, — сказал дедушка, — ну-ка садись мне на колени.

— Тильтиль, — прошептала бабушка, — дай-ка я твои вихры приглажу.

— Как вы оба выросли! — удивился дедушка.

— Какие вы оба красивенькие, ладненькие! — умилилась бабушка. — А расскажите-ка нам, как вы живете? Как поживают мама и папа?

— Мы хорошо поживаем. А папа-мама спали, когда мы ушли, — наперебой затарахтели Тильтиль и Митиль. — А вы, бабушка-дедушка, совсем не изменились. И все вокруг точно такое же, как и прежде. Мы часто вас вспоминаем.

Бабушка и дедушка оживились. Вот уже и бабушку не так мучает ревматизм. И дедушка меньше прихрамывает. Он даже палочку отставил в сторону, и сил у них прибавилось. Бабушка принялась хлопотать по хозяйству. Она разогрела капустный суп, выкладывала из печи яблочный пирог и без умолку говорила, говорила:

— Детки мои милые, вспоминайте нас почаще. Только тогда мы и просыпаемся, и видим вас, и говорим с вами. Ой, Тильтиль, у тебя чулки прохудились! Прежде, бывало, я вам чулки штопала. А тебя, Митиль, причесывала, умывала. Помните? Нам ведь много не надо. Помянули добрым словом, помолились за нас, мы и рады... А вот и яблочный пирог. Вы его так всегда любили! Помнишь, Тильтиль, как ты им объелся?

— Я с прошлого года не ел яблочного пирога, — грустно сказал Тильтиль. — Бабушка, дедушка, мы так по вас соскучились!

Дедушка покряхтел, потер рукой глаза и хрипло проворчал:

— Соскучились, соскучились, а в последний раз нас навещали ого-го когда — в День Всех Святых. Уж несколько месяцев с тех пор прошло.

— Дедушка! — удивилась Митиль. — Но мы не могли вас навещать тогда. Мы же простудились и даже не выходили из дому.

Бабушка засмеялась и обняла Митиль.

— Глупенькая! Мы вас видим, говорим с вами, когда вы о нас вспоминаете. Вы как бы здесь, с нами. Вот как сейчас. Ну ладно, хватит болтать. Пора и за стол.

Стол уже стоял под старой сливой. Бабушка вынесла миски, деревянные ложки. И дети, постукивая ложками, с аппетитом поели капустного супу, принялись за пирог.

— Как вкусно! Еще хочу! — выкрикивал Тильтиль и хватал куски пирога.

— Ну-ка сядь как следует! — вдруг рассердился дедушка. — Забыл, как я наказываю баловников?

— Ох, забыл, дедушка, забыл! — заулыбался Тильтиль. — Зато я помню эту сливу. Я на нее лазил, а ты меня ругал. А вот миска, от которой я отбил краешек. И эти царапины на двери тоже я сделал. И эти зарубки у притолоки помню... Ты, дедушка, каждый год мой рост измерял.

— Вот мы сейчас и отметим, насколько ты вырос, — сказал дедушка. — Ого, как вытянулся!

Дети развеселились. Принялись бегать, прыгать, скакать. Они трясли старое сливовое дерево, и прямо в руки им сыпались сочные красные сливы. Они носились между ульями, и пчелы жужжали и танцевали в воздухе над их головами. Они совсем закружили бабушку и дедушку. И вдруг Тильтиль остановился как вкопанный: он заметил дрозда в клетке. Удивительный этот дрозд был синим-синим, ну просто как синий шарик!

— Смотри, Митиль, Синяя Птица! Мы нашли ее! Вот бы не подумал, что у бабушки с дедушкой жила Синяя Птица! Раньше дрозд не был таким синим.

— Как фея обрадуется! — запрыгала Митиль.

Дрозд в клетке встрепенулся, заскакал по жердочке и запел.

— Дедушка! — взмолился Тильтиль. — Бабушка! Подарите нам эту Синюю Птицу! Нам она очень-очень, очень-преочень нужна!

Дедушка нахмурился.

— Я не против, — сказал он, — только отсюда, из страны Воспоминаний, никто и ничто не возвращается. Вы здесь гости, а дрозд переселился сюда навечно.

— Ну что ты, дед, — вмешалась бабушка, — пусть дети забирают нашего дрозда. Зачем он нам? Только и знает что спать.

— Так говорю же — не против я, пусть попробуют, — согласился дедушка.

— Берите, дети, берите, — засуетилась бабушка, — вместе с клеткой.

— Нет, — сказал Тильтиль, — клетка у нас своя, серебряная. Ее нам фея специально для Синей Птицы дала. Митиль, где клетка?

Митиль спохватилась, что клетку она оставила на дороге у дуба. Она опрометью бросилась туда и вскоре вернулась, держа в руках красивую серебряную клетку.

И тут часы на стене проснулись. Бум-м... Бум-м... — начали они отсчитывать время. Семь. Восемь. Без четверти девять...

— Митиль! — спохватился Тильтиль. — Мы должны вернуться не позже девяти! Так велела фея. Скорей, скорей!

— Куда же вы? — расстроилась бабушка. — Побыли бы еще чуток.

— Вот сорванцы, — ворчал дедушка, — не успели прийти и уже бегут куда-то.

А Тильтиль и Митиль суетились у клетки с дроздом. Они аккуратно пересадили его на серебряную жердочку в клетку феи, захлопнули дверцу и смотрели, как синий-синий дрозд, их Синяя Птица, расправляет синие крылышки, чистит клювом небесно-синие перья, топорщит синий хохолок. Дети уже предвкушали радость феи и ненадолго, только на минуту, совсем забыли про бабушку с дедушкой.

Старички погрустнели, поникли. Дедушка, тяжело опираясь на палку, захромал к скамейке. Бабушка охала и держалась за поясницу — совсем ее одолел ревматизм. Утомились бабушка с дедушкой. Глаза у них стали закрываться, и сами они начали медленно погружаться в сон.

— Беда с этими гостями оттуда, — пробормотал дедушка, — спешат, суетятся. Некогда им подумать о нас, ушедших в страну Воспоминаний.

— Бабушка! Дедушка! — спохватился Тильтиль. — Мы вас теперь будем вспоминать каждый день! Честное-пречестное слово!

— А я буду о вас молиться утром и вечером, — сказала Митиль, и слезы закапали из ее глаз.

Она бросилась на шею бабушке и ни за что не хотела с ней расставаться. Тильтиль торопил ее:

— Митиль, мы обязательно еще вернемся. А сейчас надо спешить. Скоро пробьет девять часов.

— Идите, идите, дети, — прошептал дедушка. — Мы будем ждать вас.

— Да-да, — подхватила бабушка, — вам только стоит подумать о нас, а здесь уже праздник! Будьте счастливы, дети.

— Только вот за птицу я не ручаюсь, — добавил дедушка, — не расстраивайтесь, если она окажется не такой уж синей.

Тильтиль и Митиль шли по дороге и оглядывались, а вслед им долго-долго махали платками дедушка и бабушка. Но туман снова стал сгущаться. Страна Воспоминаний постепенно тонула в нем. Вот уже не видно веселого домика под старой сливой. Вот и голоса бабушки и дедушки потонули в густом, вязком тумане. И снова перед ними могучий дуб. Но почему-то стрелки, показывающей дорогу в страну Воспоминаний, на нем нет. Куда она делась? И в какой стороне осталась страна Воспоминаний, где спокойно спят бабушка с дедушкой, пока о них никто не вспоминает? Только и осталась у детей клетка с Синей Птицей. Но что это? Дрозд не скачет по жердочкам, не поет. Он склонил головку, поник, клювик его плотно закрылся. Перья стали темнеть, темнеть, и вот уж в клетке лежит черная неподвижная птичка!

— Тильтиль, — промолвила Митиль, — мне страшно, мне холодно. Дай руку. Я боюсь.

— Не бойся, — откликнулся Тильтиль, — где-то здесь недалеко ждет нас Душа Света. С ней нам будет и светло, и тепло. А Синюю Птицу мы все-таки найдем!

И он увлек Митиль в самую гущу тумана.

Глава четвертая
ВЛАДЕНИЯ НОЧИ

Пока Тильтиль и Митиль искали дорогу в тумане, кошка Тилетта успела улизнуть от Души Света и стремглав помчалась к своей тетушке Ночи. Знала она, что Ночь скрывает все на свете. И уж Синюю Птицу никто надежнее скрыть не сумеет. Кошка что было духу неслась вперед, а впереди становилось все темнее и темнее. Богата Ночь — самый дорогой черный бархат у нее никогда не переводится. И на землю его хватает, и на небо. Каждый кустик укрыт, каждое дерево, лес и поле, широкая дорога и самая узкая тропинка. Захочет Ночь — и все звездочки на небе завесит черным бархатом. Да что звезды, полную луну иногда умудряется закрыть. А уж дворец ее — черней не бывает. Здесь и черный мрамор, и черное дерево, и самые черные сорта драгоценных камней — агаты и гагаты. Колонны черные, ступени черные, своды потолков и дальние покои скрыты в черной-пречерной тени. И каркают в темноте черные вороны. Но

кошка в темноте видит еще лучше, чем днем. Шмыгнула она в ворота, кованные из черного чугуна, пробежала по чернеющим коридорам мимо целой вереницы наглухо запертых дверей и за черной кружевной занавеской увидела Ночь, сидящую в кресле из черного эбенового дерева. Черные одеяния Ночи словно были скроены из самой тени. По правую и левую руку от Ночи сидели два младенца. Один, голенький и розовый, мирно посапывал во сне, а другой, закутанный с ног до головы, и вовсе застыл неподвижно. Эти странные младенцы — дети Ночи. Ночной Сон и Вечный Покой. Кошка без сил опустилась у ног Ночи на черной мраморной ступеньке.

— Уф-ф! — только и могла она выдохнуть.

Вы бы посмотрели на нее сейчас. Всегда гладко расчесанная и шелковистая шубка топорщилась, усы обвисли, лапы в грязи. Ей даже не достало сил умыться перед дворцом Ночи.

— Опять дралась где-нибудь на крыше? — сурово спросила Ночь.

Тилетта отдышалась, лизнула пару раз лапки и грудку и хрипло промяукала:

— Ох, тетушка Ночь, бежала я без оглядки, без передышки, дух некогда было перевести. Тильтиль, сын дровосека, ищет Синюю Птицу!

— Ну, ко мне-то он не попадет! — рассмеялась Ночь.

— Попадет, попадет, у него волшебный алмаз. А Душа Света сюда дорогу знает. Она ведь каждое утро к тебе навещается. Если у тебя Синяя Птица, постарайся спрятать ее подальше, поглубже, в самую черную глубину, в самую темную высоту.

Тучей нахмурилась Ночь. Волны тьмы побежали по дворцу, заливая каждый закоулок, каждый уголок. Тьма-тьмущая покрыла все. Даже кошка на мгновение ослепла. И словно гром из черной тучи прогремел:

— Никто не знает и не узнает, пока я существую, где скрыта Синяя Птица! — И раскатилась Ночь хохотом: — А может, ее вообще нет и не бывало! Ха-ха-ха! Душа Света до утра, пока на земле царство Ночи, войти сюда не может. А с детьми уж как-нибудь справимся. Человек многие мои тайны постиг. Ужасы его не ужасают. Призраки не пугают. Болезни умирают одна за другой. Но меня не так просто победить. Скроемся во мраке до их прихода. Пусть поищут меня.

И Ночь растворилась, превратилась в скользкую беззвучную тень. Кошка скользнула за тенью в темноту мрачного дворца.

А тем временем Душа Света вела детей напрямик к обители Ночи. Хлеб тащился следом, хныкал, натыкался на острые сучья, спотыкался о кривые корни. Сахар ступал осторожно и сторонился Воды, боясь, чтобы она не расплескалась в темноте и не намочила бы его одежды. Огонь что-то бормотал себе под нос, а нос его краснел и разгорался, как уголек. Пес Тило все забегал вперед, стучался в темноте о стволы деревьев, вынюхивал тропинку и указывал детям дорогу.

— Сюда, сюда, мой маленький повелитель! — кричал он Тильтилю. — Осторожней ступай — здесь камень, а тут коряга, а там колдобина. Не споткнись.

Зато сам он без конца ударялся, спотыкался, проваливался в сырые ямы. Но отряхивался и снова неутомимо и бесстрашно забегал вперед.

— А где моя Тилетта? — беспокоилась Митиль. — Неужто она заблудилась?

— Небось почище дорожку выбрала, — ворчал пес Тило. — Кошки, они чистюли и хитрюги. А хоть бы и потерялась! Без нее спокойнее.

— Не говори глупостей, Тило, — оборвал его Тильтиль, — мы все должны быть дружны. Так велела фея.

Вдруг Душа Света остановилась. Даже ее лучистые глаза не могли ничего различить сквозь сгустившуюся тьму, которая, словно стена, преградила всем дорогу.

— Дальше мне идти нельзя, — вздохнула Душа Света. — Еще не наступило мое время. Придется вам отправиться во владения Ночи самим.

— Да, да, идите, — обрадовался Хлеб. — А мы вас подождем здесь, как в прошлый раз.

— Нет, — сказала Душа Света, — все, кроме Огня — он в родстве со мной, пойдут с детьми. И Хлеб, и Вода, и Сахар могут жить во тьме.

Душа Света осталась позади. И долго еще видно было сияние, пока свет не уменьшился до крохотного светлячка. Но вот и он погас. И тогда перед детьми предстал черный дворец Ночи. Из ворот выскользнула кошка Тилетта.

— Наконец-то, я просто заждаюсь вас. Входите. Госпожа Ночь вас примет.

— Ах, моя маленькая Тилетта, — умилилась Митиль, — ты о нас позаботилась.

— Знаю я ее заботы! — прорычал пес Тило.

А кошка уже вела их темными коридорами в покои Ночи.

— Я обо всем расспросила тетюшку Ночь, обо всем ей поведала, все выведала, — лопотала она. — Сегодня тетюшка Ночь в добром настроении. Просите ее о чем хотите.

Во всем своем мрачном великолепии открылся им главный зал дворца Ночи. Глубокой и мягкой бархатной чернотой была окутана величественная Ночь.

— Добрый день, госпожа, — вежливо поздоровался Тильтиль.

Ночь нахмурилась.

— День для меня никогда еще не был добрым. Ты должен был сказать «доброй ночи». Или, на худой конец, «добрый вечер».

— Извините, — смутился Тильтиль и, чтобы загладить свою неловкость, спросил: — А эти младенчики — ваши дети? Как их зовут?

Ночь милостиво улыбнулась.

— Этот розовый и толстенький — Ночной Сон.

— А тот, закутанный так, что даже и личика его не видно, — спросила Митиль, — он тоже спит?

— Осторожно, девочка, — промолвила Ночь, — не буди его и не спрашивай имени. Тебе еще рано знать это. — И она взмахнула рукой. Черное кружевное покрывало скрыло от их глаз обоих младенцев. А Ночь поднялась с высокого кресла и двинулась из зала. — Я знаю, что вы ищете Синюю Птицу, — сказала она. — Но в моих владениях она не показывалась. И я ее ни разу не видела.

— Душа Света говорила, что она у вас. Я заметил здесь множество дверей. Отворите их нам, — упрямо проговорил Тильтиль.

— Ох, уж эта мне Душа Света! Всюду она проникает. Хоть звездочкой, хоть лучиком, хоть бликом на воде, — разгневалась Ночь. — Но в мои владения может привести только волшебный алмаз. Есть он у тебя?

Тильтиль дотронулся до алмаза на зеленой шапочке. Ночь тут же обмякла, ласково улыбнулась.

— Вижу, вижу, — сказала она покорно. — Ты имеешь право требовать. Но учти, за этими дверями спрятаны Страхи, Ужасы и Беды, и всем нам несдобровать, если они вырвутся. Я с трудом их удерживаю за крепкими запорами.

Хлеб трусливо попятился.

— Не стоит беспокоиться, госпожа Ночь, — проблеял он. — Мы, пожалуй, пойдем.

— Мы никуда не уйдем отсюда без Синей Птицы! — топнул ногой Тильтиль. — Давайте ключи от первой двери, госпожа Ночь!

— Пожалуйста, но там всего-навсего Призраки, — сказала Ночь, протягивая Тильтилю связку ключей.

Хлеб задрожал, его толстый живот мелко заколыхался и пошел волнами, как во взбаламученной луже.

— Всего-навсего? Это Призраки-то всего-навсего? — бормотал он, прячась за спину Сахара.

А тот уже забыл, что Вода может его размочить своими слезами, и жался к ней. Только пес Тило храбро подбежал к тяжелой бронзовой двери и стал принюхиваться, отфыркиваясь и морща нос.

— Пахнет ужасно! Сыростью, затхлостью и еще чем-то невидимым. Бр-р! — с отвращением отпрянул он.

Тильтиль вставил ключ в замочную скважину, повернул его — и дверь с противным скрипом отворилась. Тут же из-за нее выскользнули беззвучные тени. Одна, другая, третья... С неприятным таинственным шорохом они принялись виться и кружиться над детьми. Они то вытягивались и превращались в клубок змей, то задевали чем-то холодным и скользким руки и лицо, то вдруг обнимали, окуты-

вали детей так, что те не могли и пошевелиться и задыхались в этих невидимых объятиях. Пес Тило с лаем гонялся за Призраками, а Ночь быстрым движением накинула на тени черную сеть и крикнула:

— Скорей затворяй дверь, Тильтиль!

— Какие они мерзкие! — всхлипывала Митиль.

А Тильтиль смело подошел к другой двери.

— Не здесь ли Синяя Птица? — спросил он.

— Тут Болезни, но если не веришь мне, можешь открыть, — пожала плечами Ночь.

— Ну, всякие болезни — это касается человека, — обрадовался Хлеб. — Мы с вами, уважаемые Сахар и Вода, можем быть спокойны.

Но кошка Тилетта все же на всякий случай отошла в самый темный конец коридора и оттуда посверкивала своими круглыми зелеными глазами. Тильтиль чуть приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

— Ну что, что, что? — вертелся у его ног пес Тило.

— Какие они хилые, жалкие и понурые, — удивился Тильтиль, — неужто это и есть страшные Болезни?

— Страшные Болезни прячутся в самой глубине комнаты, — ответила Ночь, — а эти так себе, Хвори да Немочи. К тому же доктора их закармлили и ослабили лекарствами.

Вдруг из двери выскользнул какой-то малыш и стал весело носиться туда-сюда, шаркая мягкими тряпичными туфлями.

— Апчхи! — фыркнул пес.

— Апчхи! — тоненько откликнулась Митиль.

В носу у Тильтиля защекотало.

— А... а... а кто это? А... апчхи! — задохнулся он.

— Это Насморк! Самая маленькая Болезнь, — засмеялась Ночь и шлепком загнала малыша обратно в темную ком-

нату. — Рано ты выскочил. Подожди до весны, дружок, — ласково сказала она.

Следующая дверь оказалась тяжелой, обитой толстым железом. И ключ от нее был громадный, словно кочерга. За дверью слышались глухие удары, что-то ухало, гудело и рокотало.

— Э, здесь что-то неладно, — опасливо пробормотал Хлеб. — Скажите, госпожа Ночь, где тут у вас прячутся в случае смертельной опасности?

— Пришельцам в моих владениях спрятаться негде, — сурово возвестила Ночь. — От обитателей бездны, скрытой за этой дверью, укрыться вообще невозможно. Так что будьте осторожны. Слегка приоткройте дверь и тут же захлопывайте ее. Здесь закрыты Злобные Распри и Кровавые Войны.

Не успел Тильтиль повернуть ключ в замке, как изнутри на дверь навалились и силились ее распахнуть. Вой, свист и грохот оглушили всех. Из узкой щели потянуло запахом гари и пороха. Ночь, Хлеб, Сахар, Тило и Тильтиль разом навалились на дверь и с трудом захлопнули ее. Но еще долго тяжелая железная дверь содрогалась от ударов изнутри.

— Я успел заглянуть туда одним глазком, — прошептал Тильтиль. — Какие они там все страшные! Будто безглазые! Нет у них никакой Синей Птицы.

— Если бы она туда залетела, — усмехнулась Ночь, — они бы ее просто слопали. Ну, ты убедился, Тильтиль, что нет у меня Синей Птицы?

— Мы еще не все двери открыли. Вот эту, например. Что за ней?

— Ну, это не так опасно, — махнула рукой Ночь. — Там заперты всякие Страхи, Ночные Тревоги, Духи Тьмы, Ужасы.

Шерсть поднялась дыбом на загривке у пса Тило. Он стал впереди детей, чтобы защитить их от Страхов, избавить от Ужасов и, если понадобится, в клочки разорвать всех Духов Тьмы. Кошка Тилетта, наоборот, блаженно замяукала. Она давно была знакома со всеми этими Ночными Тревогами и мелкими Страхами. Они ей часто встречались в ночных путешествиях по крышам. Она всегда с любопытством наблюдала, как эти ночные невидимки крадутся по улицам, заглядывают в окна и, развлекаясь, пугают детей и даже взрослых. Трусливый Хлеб закрыл глаза ладонями, чтобы не увидеть Страх или Ужас в лицо. А большие слезные глаза Воды уже заранее наполнились страхом. Митиль потянула брата за рукав.

— Может быть, не надо, Тильтиль? — попросила она. — Вдруг какой-нибудь Ужас выскочит?

— Не бойся, дитя мое, — успокоила ее Ночь. — Самые грозные Ужасы накрепко прикованы к стене. Коли Тильтиль мне не верит, пусть сам убедится, что и здесь нет Синей Птицы.

Тильтиль повернул ключ в замке и распахнул дверь. Никто не выскочил, никто не завыл ужасным голосом. Страхи и Ночные Тревоги жались по углам и не спешили выпархивать наружу. Вялые и жалкие, они тихонько попискивали. Синие и зеленые их покрывала слегка колыхались от несмелого дыхания.

— Что это с ними? — удивился Тильтиль.

— Все Страхи теряют свою силу, как только их перестают бояться, — объяснила Ночь. — Теперь ты убедился, что Синюю Птицу надо искать не у меня?

И Ночь попыталась увести детей из дворца наружу, где в небе уже поблескивали слабые искорки звезд. Но Тильтиль

уперся. Он увидел еще одну, совсем маленькую и скрытую в глубокой тени дверцу. Мальчик рванулся к ней, отыскал в связке крохотный ключик и вставил его в еле заметную замочную скважину. Раздался мелодичный звон.

— Не открывай эту дверь, Тильтиль, — попросила Ночь. — Там собраны мои радости — Вечерняя Роса, Ночные Ароматы, Соловьиные Трели, Блуждающие Огоньки. Если ты их выпустишь, трудно мне будет все это снова собрать.

— Ой, Тильтиль, мне кажется, там, где Соловьиные Трели, непременно должна быть и Синяя Птица! — воскликнула Митиль. — Открой поскорей эту дверь. Мне так уже надоели Страхи, Болезни и Призраки!

Не раздумывая долго, Тильтиль повернул ключик и настежь распахнул маленькую дверцу. Их объяли сладкие Ароматы Ночных Цветов, легкий ветерок донес нежные Соловьиные Трели, мерцающие Светлячки закружили над их головами хороводом, прохладная Вечерняя Роса освежила их лица. Но ничего больше они не увидели. Истаяли Ночные Ароматы, разлетелись и погасли во тьме Светлячки, рассыпались Соловьиные Трели.

— Ах, дети, дети, — грустно покачала головой Ночь, — сколько моих трудов пропало даром. Опять придется мне, не смыкая глаз, собирать эти радости по всей земле.

Тильтиль растерялся. Ему стало стыдно, что он не послушался Ночи и так расстроил ее. «Наверное, у нее и вправду нет Синей Птицы», — подумал Тильтиль и понуро побрел следом за уходящей, неслышно скользящей Ночью. Все остальные потянулись за ним.

Вот уж кончается бесконечно длинный коридор, скоро они выйдут к черным чугунным воротам и ни с чем возвратятся к Душе Света. Но что это? Высокая и узкая дверь из

гладкого, отполированного черного дерева. Дверь эта так искусно вделана в черную мраморную стену, что ее не сразу и заметишь. Тильтиль остановился.

— Госпожа Ночь, — сказал он, — не сердитесь, но нам придется заглянуть и в эту дверь. Даю вам слово, это последняя дверь, которую я прошу вас открыть. Если уж и за ней нет Синей Птицы, то мы прощаемся с вами и покинем дворец.

Ночь вдруг разъярилась. Куда подевалась ее ласковая улыбка? Каким грозным стал ее голос! Какие молнии полыхнули в глазах! Как исказилось и потемнело ее лицо!

— Я открыла тебе все свои тайны! — гремела Ночь. — Я была добра к тебе! Я позволила тебе увидеть то, что еще ни одному человеку не удавалось! Неблагодарный! Хорошо же! Погибай! Сама Судьба, видно, привела тебя к этой двери. Я удаляюсь, и не рассчитывай больше на мою помощь!

— Мальчик, — мяукнула кошка, — ты поступаешь неразумно.

— Тильтиль! Прошу тебя, уйдем отсюда! — взмолилась Митиль.

— Эй-эй, погоди хотя бы, пока мы добежим до ворот! — всполошился Хлеб.

Сахар и Вода уже улепетывали. Хлеб сломя голову понесся за ними. Но пес Тило не сдвинулся с места.

— Я с тобой, мой маленький повелитель, — храбро пролаял он, — если нам суждено погибнуть, пусть я буду первым.

И Тильтиль распахнул черную дверь. Створки ее неожиданно мягко и бесшумно раздвинулись. Полилась дивная музыка, и перед глазами мальчика возник чудесный сад. Лунные лучи пронизывали его. Низкие крупные звезды,

словно фонарики, висели над цветущими деревьями. Ночные бабочки легко взмахивали перламутровыми крыльями, сверкающими драгоценным блеском в лунном свете, и перелетали с одного ночного цветка на другой. Но самое удивительное, что весь этот волшебный сад был словно прочерчен полетом бесконечного числа совершенно синих птиц. Их лазурные перышки спорили блеском и прозрачностью с лунными лучами. И птиц этих было, пожалуй, не меньше, чем изумрудных листьев на деревьях сада.

— Митиль! Митиль! Сюда! — восторженно закричал Тильтиль. — Тило! Все-все скорее ко мне! Вот они, Синие Птицы! Их здесь несметные стаи! Ловите! Где клетка?

И они стали ловить порхающих лазурных птичек. Те доверчиво садились им на плечи, просто сами летели в руки, не боясь и послушно складывая крылья. Вскоре клетка была полна птиц. Тильтиль и Митиль в каждой руке держали по крохотной птичке. А птицы все порхали над ними, касаясь их лиц нежными, как дуновение летнего ветерка, крыльями.

Радостные, возбужденные дети вышли из Волшебного Ночного Сада. Пес Тило бешено крутил хвостом, скакал и повизгивал от счастья. Хлеб, Вода и Сахар, довольные, что вырвались из мрачных владений Ночи целыми и невредимыми, вприпрыжку поспешили за детьми.

Только кошка Тилетта с тревогой наблюдала из темноты. Когда все скрылись за воротами, она подбежала к Ночи.

— Тетушка Ночь, — зашептала она, — неужто Тильтиль поймал Синюю Птицу? Тогда я погибла!

Ночь злорадно рассмеялась:

— Беги за ними. Сама увидишь!

Вот уж глухая мгла стала рассеиваться. Сверкнул вдали огонек. Он постепенно разгорался, полыхал и растекался в темноте белыми волнами.

— Это Душа Света! — закричала Митиль. — Бежим скорей!

Они подбежали к Душе Света, наперебой выкрикивая:

— Мы поймали ее! И не одну, а много-много! Смотри, какие они прекрасные!

— Что это? — в ужасе отшатнулась Душа Света. — Что вы принесли?

Дети глянули на пойманных птиц и застыли от горя. Головки птиц поникли, крылья обвисли, глаза закрылись. Яркие лазоревые перышки побледнели и полиняли. В руках и в клетке были мертвые бесцветные птички, жалкие, крохотные тельца. Тильтиль растерянно молчал.

— Почему? Ну, почему? — рыдала Митиль.

— Не плачь, дитя мое, — ласково сказала Душа Света. — Это не настоящие Синие Птицы. Та, настоящая, не боится дневного света. Придется нам искать ее в другом месте.

Глава пятая

ВОЙНА ДЕРЕВЬЕВ

Наступило самое темное время ночи — полночь. Тьма густилась и стала такой плотной, будто черный занавес. Даже Душа Света смежила глаза. Дети притихли. Им очень не хотелось будить ее. Может быть, тоже прикорнуть немного? Сон подкрадывался к ним. Уже похрапывал толстый Хлеб. Потухающим угольком вспыхивал сонный Огонь. Вода затихла в сторонке. Сахар, как стоял столбом, так и заснул. Только кошка Тилетта, ночная путешественница, не смыкала глаз. Пес Тило пересилил дрему, встрепенулся.

— У-уу! Р-рр! — затряс он кудлатой головой. — Синюю Птицу проспим!

— Надо разбудить Душу Света, — сказал Тильтиль.

— Зачем? — хитро прищурилась кошка. — Пусть отдохнет. Я сама поведу вас за Синей Птицей. Идите за мной, а я побегу вперед, разведу дорогу. Она ведет в лес. А где же, как не в лесу, искать Птицу?

Хлеб, Огонь, Вода и Сахар тут же притворились спящими и не двинулись с места. Дети тронулись в путь вслед за кошкой. Не отставал от них и пес Тило. Тилетта глянула на пса и злобно прошептала:

— Мог бы поспать, неугомонный! — черной тенью мелькнула кошка, и уже далеко впереди послышалось ее осторожное мяуканье: — Идите помедленней, не споткнитесь!

И кошка шмыгнула в самую чащу леса. Здесь ее окружили застывшие в темноте деревья. Стройный Тополь. Высокая Сосна. Нежная Липа. Красный Каштан. Крепкий Бук. Кудрявая Ива. Толстый Вяз и старый, морщинистый Дуб.

— Беда, деревья! — крикнула запыхавшаяся кошка. — Сюда идут дети дровосека. Того самого, который безжалостно рубил ваших братьев на дрова. — Деревья грозно зашумели, а кошка продолжала: — Они ищут Синюю Птицу. Вы можете отомстить дровосеку, погубив его детей. — Деревья растерянно зашумели, размахивая ветками. — А-а, вы неподвижны и не умеете бороться с человеком, — догадалась кошка. — Но у Тильтия есть волшебный алмаз. Он вас оживит, и тогда...

Она не договорила, потому что послышались детские голоса. Приближались Тильтиль и Митиль. У ног их вился пес Тило. Кошка бросилась им навстречу и встретила на опушке. Тило злобно на нее оскалился.

— Зачем вы взяли этого грубияна? — взвизгнула кошка. — Он со всеми перессорится, всех распугает!

— Тило! — строго сказал Тильтиль. — Останешься здесь, на опушке.

— Как? — возмутился пес. — Оставить вас одних? Никогда!

— Ну вот теперь и человека не слушается, — фыркнула кошка, — совсем распустился.

Тильтиль топнул ногой.

— Сидеть! — приказал он.

И пес Тило, завивая хвостом, покорно остался ждать на опушке леса. Довольная своей маленькой победой, коварная кошка Тилетта увлекла детей в самую чащу, в круг высоких молчаливых деревьев. Но стоило Тильтию слегка повернуть волшебный алмаз на своей шапочке, как деревья ожили, задвигались, забормотали. Голоса их сначала звучали неясно, будто глухой шум листвы. Но вот они расправили свои ветви, встряхнули свои кроны, покачиваясь, приблизились к детям, медленно сужая круг. Раздались скрипучие древесные голоса.

— Смотрите — маленькие люди! Не поболтать ли нам с ними немного? — оживился Тополь.

— Что-то я их здесь не видала раньше, — прошелестела Липа.

— А ты редко теперь бываешь в лесу. Все в городе, в городе, по аллеям и паркам бродишь, — проворчала Сосна.

— Фи! Какие-то оборвыши! — презрительно скривился Каштан.

— Вы, господин Каштан, чаще растете во дворах богачей, вот вам все и кажутся нищими, — возмутилась Ива и сердито трянула своими длинными косами.

Вдруг послышались скрип, побряхтывание и тяжелая поступь. В круг деревьев вошел старый Дуб. Сухая моховая борода обнимала его ствол. Лишайники, словно рукава обветшалой рубахи, свисали с его ветвей. Старый, морщинистый Дуб опирался на голову маленького Дубка, своего

внука. Деревья почтительно приумолкли. Дуб остановился и вперился глубокими дуплистыми глазами в детей.

— Ты Тильтиль, сын дровосека? — проскрипел Дуб.

— Да. А это моя сестра, — сказал Тильтиль, беря Митиль за руку. — Мы ищем Синюю Птицу. Не видали ли вы ее в вашем лесу?

Но Дуб словно и не слышал этих слов. Он продолжал, тяжело глядя на мальчика:

— Ваш отец погубил, порубил шестьсот моих сыновей, четыреста семьдесят пять дядек и столько же теток, тысячу двести двоюродных братьев и двенадцать тысяч правнуков! А теперь пришел наш час — мы погубим его детей!

— Но мы не умеем убивать! — всполошился Тополь. — Мы рождены не для этого!

— Хорошо, — прогудел Дуб, — тогда я позову зверей. Это их дело. Люди им тоже сотворили немало зла. Кликнуть зайца! Пусть барабанит сбор!

Тильтиль растерялся. Он прижал к себе Митиль и крикнул:

— Что вы такое говорите? Я же люблю лес, люблю деревья, люблю всех лесных зверей! И я не хочу причинять вам зла! Мне нужна Синяя Птица для феи Берилюны. У нее больна внучка.

В ответ Дуб расхохотался, и гулко перекатывался смех где-то внутри его громадного беззубого дупла.

— Мне страшно, — прошептала Митиль. — Где наш Тило, наш верный пес?

Кошка тут же подбежала к ней и ласково замурлыкала:

— Не бойся. Я сейчас все улажу. А Тило со своим скверным характером только испортит дело.

Тилетта скользнула между деревьями и своим мурлыкающим мягким голоском что-то стала им нашептывать.

— Да, да, — сказал Дуб, — кошка права. Пес нас выдаст. И его, предателя, надо уничтожить. Возьмись за это ты, Плющ. Свяжи его накрепко своими жилистыми руками, стяни так, чтобы и пикнуть не смог.

И Плющ, извиваясь, двинулся на опушку. Туда, где смирно сидел Тило, ожидая приказа хозяина. Тем временем под барабанный бой стали собираться звери. Выскользнул из темноты Волк. С шумом продирался сквозь кусты Кабан. Притопал Бык. Осел, стуча копытами и лязгая желтыми зубами, показался из-за дерева. Ударяясь глупым лбом о стволы деревьев, протиснулся в круг Баран. Даже Петух поспел сюда и, прокричав свое «ку-ка-ре-ку!», взлетел на плечо молодого Дубка.

А на опушке в этот момент Плющ опутывал пса своими гибкими побегими. Тило изворачивался, кусался, рычал. Но упорный Плющ раз за разом скручивал ему передние и задние лапы. Наконец пес, беспомощный, опутанный крепкими, как веревки, руками Плюща, упал на траву. Но пасть его с острыми зубами оставалась свободной. Изогнувшись так, что затрещали кости и натянулись все жилы, Тило упорно перетирал, перегрызал скользкие пути. Успеет ли он освободиться? Сможет ли спасти детей, вокруг которых уже собрались разъяренные звери?

Кошка Тилетта благоразумно скрылась в зарослях. А Дуб распорядился своим лесным войском. Он плотнее расставлял деревья, чтобы дети не могли убежать. Он приказывал, грозил, уговаривал. Но деревья что-то не очень торопились наброситься на людей.

— Меня, кажется, продуло на сквозняке, — отнекивался Тополь, — глядите, как дрожат мои листочки.

— Давайте лучше запутаем их в наших ветвях, и пусть сидят здесь вечно, как в клетке. Но убивать... нет, это не по мне, — пролепетала Липа.

— Мой ствол слишком прям, а ветви растут высоко. Мне трудно нагибаться. Я до них и не дотянусь, — сухо сказала Сосна и отвернулась.

— Я такой неповоротливый. Где мне их, увертливых, ухватить? — пропыхтел, отфыркиваясь, толстый Вяз.

— Я весь источен червями. Пошевелюсь и рассыплюсь, — притворно захныкал крепкий Бук.

— Я каждой своей веткой дорожу. Неровен час — обломаются в драке, — прихорашиваясь, пробормотал кудрявый Каштан.

И тут клацнул зубами Волк.

— От деревьев, я вижу, мало пользы, — провыл он, — придется нам, зверям, взяться за дело. — И он уже приготовился прыгнуть, весь подобрался и вздыбил шерсть.

Тогда Тильтиль заслонил собою сестру и крикнул:

— Только посмейте приблизиться! У меня есть нож, и я так просто не дамся.

Петух так и подскочил на плече у молодого Дубка.

— Ай да молодец! — кукарекнул он. Но коварный Кабан зашел сзади и, выставив грозные клыки, ринулся на Тильтиля.

— Берегись! — вскричал Петух.

Тильтиль успел обернуться и выставить острое лезвие ножа. Кабан остановился как вкопанный. Пена била из его пасти, маленькие глазки злобно полыхали.

— У-мм-уу! — вдруг загудел Бык и наклонил свою рогатую морду. Серdito взрыл он землю копытом и медленно пошел на детей. Ему, толстокожему, никакой нож не страшен.

Осел и Баран наступали с другого боку. Деревья простерли густые ветви, заслоняя небо. Волк снова изготовился к прыжку.

Все! Не спасись бедным детям!

— Люди слопали моих бабушку с дедушкой, трех теток и двух дядей, — бурчал Баран, приближаясь к Тильтилю.

— Меня вконец заездили! Ого-го, как я замучился с их поклажей! — ревел Осел.

— А я просто не прочь отведать человечинки, — рычал Волк.

— Тило! — в отчаянии закричал Тильтиль.

Кошка Тилетта в кустах неслышно хихикнула. Она видела, как прочно связал ненавистного ей пса гибкий Плющ. Нет, не поможет теперь никто. Душа Света далеко, а Тило накрепко спутан и жалким кулем валяется на траве! Теперь кошка была спокойна: дети погибли и не смогут снова обратить ее в бессловесное существо. Алмаз потеряется в лесу. И фея тоже будет бессильна с ней, лукавой кошкой Тилеттой, справиться. «Ах, как приятно будет сегодня же утром поболтать на крыше с подружками о том о сем!» — размечталась кошка и от неожиданности вздрогнула, когда услышала яростный лай Тило. Он успел перегрызть крепкие путы и вот уже несется на выручку своему маленькому повелителю!

— Я здесь! — рявкнул пес и вцепился зубами в отвислый зад Барана.

— Вот бедовый пес! — восхитился Петух.

А Тило не терял времени. Он клубком подкатился под ноги Быку. Зубы его так и сверкали. Расшвыривая пену с губ, Бык попытался затоптать пса, но тот ловко увернулся от грозных копыт и тяпнул Быка за ногу. Разъяренный Бык пригнул голову и нацелился острыми рогами на Тило. Да где ему, неповоротливому, справиться с ловким псом! Вот уж и Бык, исполосованный зубами Тило, отступил.

Осел шарахнулся в кусты и чуть не раздавил кошку. Та жалобно мяукнула.

— Тилетта! Что с тобой? — вскрикнула Митиль.

— Я здесь! Мне вывихнули лапку! — притворно захныкала кошка. — Но я не отступлю.

А пес Тило уже сцепился с Волком. Они клубком катались по земле. Тильтиль пытался помочь своему верному другу, но никак не мог подступиться к рычащим зверям. Вдруг Вяз задел его корявой веткой. Сосна наступила на ногу узловатым корнем. Ива стала хлестать тонкими плетями ветвей по глазам. Тополь теснил Митиль, а Бук толкнул ее так, что она упала. Деревья осмелели и наступали на детей, сплетаясь ветвями.

— Держись, мой повелитель! — рычал Тило, теребя Волка.

Тот вдруг взвыл и бросился наутек. Пес, взъерошенный, искусанный, с пастью, полной волчьей шерсти, ринулся на выручку детям.

— Предатель! — вопил Осел. — Он изменил зверям!

— Глупец! — гудел Дуб. — Люди тебя бьют и ругают.

— Ты же наш брат, — выл издали Волк, — будь с нами!

Но Тило только свирепо скалил зубы.

— Люди мои друзья. А друзей не предают! — рявкнул он и снова бросился в битву.

Бык пытался затоптать его. Кабан кидался, стараясь пропороть клыками. Осел опасливо повернулся задом и норовил лягнуть издали. Пес Тило стал изнемогать. А Тильтиль и Митиль, окруженные деревьями, теснимые ими, уже еле держались на ногах.

Вдруг вдали мелькнул свет. Он приближался и разгорался постепенно. Светлые полосы пронизали ночную тьму. Небо посветлело.

— Душа Света! Это Душа Света! — воскликнула Митиль.

Деревья расступились, словно раздвинутые волнами света. Звери испуганно попятились.

— Ку-ка-ре-ку-у! — пропел Петух. — Заря занимается!

Но это еще была не заря. Из гущи леса вышла Душа Света. Она поспешила к детям и словно бы накрыла их светящимся покрывалом.

— Скорей поверни алмаз, Тильтиль! — вскричала она.

Только теперь вспомнил Тильтиль о волшебном алмазе. Он коснулся его рукой, и наваждение исчезло. Тихо шумели листвой неподвижные деревья. Где-то далеко в глубине леса подвывал Волк, с громким треском улепетывал сквозь кусты Кабан. В стороне на небольшой полянке мирно пасся Осел. Рядом дремал крутолобый Баран.

— Как же я мог забыть про алмаз? — терзался Тильтиль. — И почему деревья и звери такие злые?

— Что ж, — улыбнулась Душа Света, — и люди к ним не всегда добры. Помните об этом, дети.

— А где Тилетта? — забеспокоилась Митиль. — Жива ли она?

Кошка, притворно прихрамывая, выскользнула из кустов. Жалким голоском она пропищала:

— Ох, и не говорите, еле жива. Бык чуть не пропорол мне живот. Дуб чуть было не переломил мне лапку. Ой-ой-ой!

— Лгунья! — зарычал пес.

— Не смей обижать мою милую Тилетту! — рассердилась Митиль.

А кошка ластилась к ней и лукаво поглядывала на простодушного Тило.

— Но мы так и не нашли Синюю Птицу! — горестно воскликнул Тильтиль.

— Не расстраивайся, дитя мое, — успокоила его Душа Света. — До рассвета еще далеко. Почти полночи впереди. Будем искать.

Глава шестая

САД РАДОСТЕЙ

Но где же искать Синюю Птицу? Нет ее в стране Воспоминаний. Не живет она во владениях Ночи. Не летает в темном лесу.

— Как же я могла забыть! — воскликнула Душа Света. — Синюю Птицу надо искать в Саду. Я поведу вас в Сад Радостей.

— А нас туда пустят? — забеспокоился Хлеб. — Мы все хотим в Сад Радостей — и я, и Огонь, и Сахар, и даже Вода, хоть она и хнычет без конца.

— Все, все пойдут туда. Только мне придется набросить покрывало: не все Радости и Удовольствия выносят яркий свет, — ответила Душа Света.

— А много там Удовольствий? — облизнулась кошка Тилетта.

— Сколько угодно! — рассмеялась Душа Света. — Живут там Радости и Приятности, Удовольствия и Блаженства, Наслаждения и Услады.

— Ну уж Синяя Птица, птица счастья, там наверняка есть! — обрадовался пес Тило. — Скорей в путь!

Скользила над верхушками деревьев литая, словно монетка, луна. Серебристые облака сияли в лунном свете. Бежала голубая от лунных лучей тропинка. И весело шагало навстречу Радостям и Блаженствам.

Кошка от нетерпения забегала вперед и сердилась, что тучный Хлеб еле переваливается, а Вода не может собраться и все растекается, расплескивается по сторонам. Тильтиль и Митиль шли, взявшись за руки и молча улыбаясь. Душа Света вела и вела их по бесконечной тропинке. И вот раскрылись перед ними Сады. Тихая музыка сливалась с ароматом цветов. Тенистые аллеи вели к ажурным беседкам и прозрачным родникам, к прудам, окруженным мраморными скульптурами и затейливо подстриженными деревцами, к широким лестницам и высоким золоченым дворцам.

Вдруг их оглушили звуки медных труб и гром барабанов, несшихся из роскошного дворца, напоминающего многоэтажный торт. Резные дубовые двери дворца внезапно распахнулись, и наружу выскочили щекастые толстяки, один румяней другого. Они жевали, чавкали, причмокивали. Они держали в руках жирные куски мяса и пузатые бутылки, сладкий крем размазался по их отвислым щекам, ногами они растапывали катящиеся по ступеням персики, орехи и абрикосы, из карманов у них торчали пучки ароматной петрушки, зеленого лука, нежного укропа.

— Сюда! Сюда! — кричали толстяки. — Добро пожаловать к столу! — И они тащили детей к дверям дворца.

— Кто это такие? — растерялся Тильтиль.

— Берегись, Тильтиль, — остерегла его Душа Света. — Эти толстяки — Блаженство Объедаться и Улада Опиваться. Попадешь к ним в лапы и забудешь все на свете.

— А вдруг у них Синяя Птица, и они ее кормят и поят? — сказала Митиль.

Душа Света с сомнением покачала головой.

— Что ж, — промолвила она, попробуем войти.

Весь просторный зал дворца был занят огромным столом, уставленным блюдами с дымящейся едой, кувшинами с пенящимися напитками, заваленным пирогами, булками, пирожными, засыпанным изюмом, финиками, залитым вареньями, соками, сиропами, загруженным жареными утками, поросятами и бараньими тушами. Гром оркестра заглушался чудовищным чавканьем, бульканьем, хрустением, пытением и сопением. Сидящие за столом замахали руками.

— Давай сюда! Ко мне! — кричали они наперебой.

— Какие они все уродливые! — воскликнула с отвращением Митиль.

— Да, — сказала Душа Света, — ничего в них красивого нет. Вон тот, смотри, с заплывшими жиром глазками — Блаженство Спать-И-Бездельничать. А тот, глупый, как тыква, Утеха-Любить-Самого-Себя. Этот, тучный с набитым ртом — Услада-Лопать-Без-Меры. И Удовольствие-Хвастаться. И Блаженство-Пить-До-Упаду. Да всех и не перечислишь.

А Хлеб, не раздумывая, уже пристроился за столом и уплетал за обе щеки. Сахар, булькая, тянул из кувшинов и бутылок сладкие сиропы. Даже пес Тило не удержался и ухватил со стола немного телячьей печенки, кружок колбасы и баранью ногу.

— Знатная еда, если кто понимает, — урчал он, забыв про все на свете.

Кошка, стащив куриное крылышко, куда-то скрылась. «Эти глупые Утехи и Блаженства, эти размазни и раззявы могут и вправду отдать детям Синюю Птицу, если она у них есть, — размышляла она. — Поищу ее и спугну или поймаю в коготки».

Среди шума и чавканья никто не заметил исчезновения кошки. А Тильтиль вырвался из жирных рук толстяков и кинулся искать по всему дворцу Синюю Птицу. Он обшарил каждый уголок. Всюду ему попадались горы снеди и бочки питья.

Нет, в этом Царстве Обжор Синея Птицы быть не может.

Тильтиль потянул за руку Митиль, которая во все глаза глядела на небывало вкусные вкусности.

— Пойдем отсюда, — шепнул он ей. — Не забывай — мы ищем Синюю Птицу, а не пирожные с кремом.

Душа Света выскользнула из дворца, поманив за собой всех остальных.

— Иду, иду, — заторопился Хлеб, засовывая в карманы халата булки и крендели.

— Еще ломтик, еще кружок, еще косточку, — бубнил пес Тило, с мольбой глядя на своего маленького хозяина.

Сахар закатывал глаза и сладко причмокивал, делая вид, что не слышит ничего, не видит никого. Вода блаженно побулькивала между двумя тучными сластенами. Тильтиль вернулся, подбежал к столу и силой вытащил их всех наружу.

Душа Света свернула на узкую аллею. Здесь бушевало лето. Высокие душистые травы. Диковинные цветы. Бабочки и стрекозы. Клокочущие водопады и тихие заводи, усеянные белыми кувшинками. Наши путешественники за-

стыли, зачарованные. И тут навстречу им выбежали стайки крохотных существ в белоснежных одеяниях. Звонкий смех, веселые голоса, радостные улыбки.

— Какие они прелестные! — восхитилась Митиль.

— Это все Радости Детства, — улыбнулась Душа Света. — Радость-Бегать-По-Траве-Босиком и Радость-Видеть-Солнышко. Радость-Быть-Добрым и Радость-Доставлять-Радость-Другим. Радость-Лепить-Снежки и Радость-Любить-И-Быть-Любимым.

Румяные Радости окружили их и завели бесконечный хоровод. Они забрасывали Митиль свежими, едва распустившимися розами, дарили всем ясные улыбки и рассыпали вокруг, словно горсть колокольчиков, свой серебристый смех.

— Вы не видели Синюю Птицу? Вы не знаете, где Синяя Птица? Не у вас ли Синяя Птица? — без конца спрашивал Тильтиль.

Но в ответ раздавался радостный смех и беззаботные голоса:

— Веселитесь! Радуйтесь! Играйте! Смейтесь!

И Тильтиль улыбнулся. Потом рассмеялся, а потом залился громким переливчатым смехом. Ему сделалось так радостно, как еще никогда не было!

И все они кружились вместе с маленькими, но такими чудесными Радостями, пока вдруг все эти румяные улыбчивые малыши не разлетелись, как бабочки.

— Куда они? Кто их спугнул? — расстроилась Митиль.

— Никто их не прогнал, — сказала Душа Света, — просто они дают дорогу самой Большой Радости. Смотрите, вон она приближается. Узнаете?

Тильтиль и Митиль взгляделись в прекрасную незнакомку, идущую по зеленой лужайке, будто парящую в воздухе.

— Кто это? — спросил Тильтиль. — У нее такое знакомое лицо.

— Она похожа... она похожа... Ой, она похожа на нашу маму! — воскликнула Митиль.

— Ты почти угадала, девочка, — ласково промолвила Душа Света. — Это Радость-Материнской-Любви.

— Мама! Мама! — закричали дети одновременно и кинулись ей навстречу.

Прекрасная Радость-Материнской-Любви обняла их и, словно укачивая, плавно поводила руками. Она была так похожа на их маму, но только не было заметно на лице у нее морщинок, не огрубели от работы ладони, нет в волосах ни единой седой прядки, нет грусти и усталости в глазах. Она вся светилась красотой, нежностью, юностью. Тонкие пальцы теребили волосики Митиль, свежие молодые губы улыбались Тильтилю, звездами сияли огромные чистые глаза, тяжело ниспадали на плечи блестящие густые пряди волос.

— Мамочка, я и не знала, что ты так прекрасна! — изумилась Митиль.

— Ты просто не замечала, дитя мое, — тихо улыбнулась Радость-Материнской-Любви. — Дети редко замечают любовь своих матерей. А ведь каждая ваша улыбка, каждое ваше доброе, ласковое слово, каждый детский поцелуй делают маму прекрасной, молодой и богатой. Богатой любовью. Это самая большая радость на свете — Радость-Материнской-Любви. Ах, дети мои, дети, я так желаю вам счастья!

— А Синюю Птицу ты не видела, мамочка? — спросила Митиль.

— Если бы здесь была Синяя Птица счастья, я непременно поймала бы ее и отдала вам, — сказала Радость-Материнской-Любви и растерянно улыбнулась. — Ищите, дети, ищите повсюду. Вы такую радость мне доставите, если будете счастливы!

И она медленно удалилась, растворилась в теплом струящемся воздухе, напоенном густыми ароматами трав и цветов. А детей уже окружали чудесные, необыкновенные, словно феи, девушки. Они вели какой-то неведомый легкий и воздушный танец, увлекая их за собой.

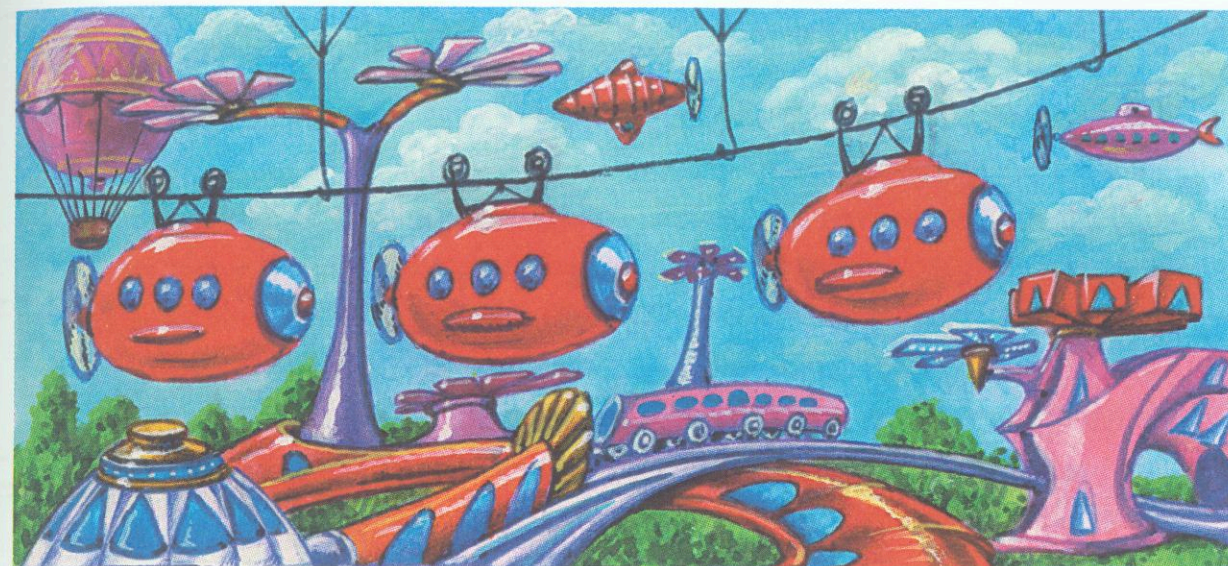
— Я Радость-Понимать-Прекрасное, — говорила одна.

— Я Радость-Верить, — говорила другая.

— Я Радость-Надеяться, — говорила третья.

И они провожали детей до самого последнего деревца, до самого последнего цветка, до самой последней травинки, до самого крутого поворота тропинки, ведущей из Сада Радостей в другой мир.

Как же не хотелось расставаться с Радостями! Хлеб украдкой смахнул слезу. Вода просто разревелась. Сахар крепился, чтобы не размокнуть. Даже у Огня глаза покраснели. Тило жалобно повизгивал. Кошка, обрадованная, что Синюю Птицу не нашли, притворно терла лукавые свои глаза лапкой. А Тильтиль и Митиль задумчиво улыбались, вспоминая ласковые руки Материнской Любви.

Глава седьмая

ЦАРСТВО БУДУЩЕГО

И снова, уже в который раз бредут они по дороге с пустой клеткой. Неужто нигде на земле нет Синей Птицы? А может быть, она еще и не рождалась? Может, она появится потом, когда Тильтиль и Митиль уйдут в страну Воспоминаний? И фея не сумеет помочь своей больной внучке!

— Вы правы, дети, — сказала Душа Света, будто подслушала их мысли, — мы отправимся в Царство Будущего. Это недалеко отсюда. Лишь в двух шагах от Сада Радостей. Но ни кошка, ни Хлеб, ни Сахар — никто не пойдет с нами. Им не дано знать будущее.

— А Тило? — заволновался Тильтиль, — ему тоже нельзя?

— И ему тоже, — ответила Душа Света. — Всех их я усыплю и оставлю здесь.

Она прикрыла сияющее свое лицо рукавом — и померк свет. Смежились глаза у Хлеба, Огня, Воды и Сахара.

Зевнул пес Тило. Сладко потянулась и заснула кошка Тилетта.

И тогда взмахнула рукой Душа Света. Мерцающей дорогой легла прозрачная тень ее рукава. Тильтиль и Митиль пошли по этой невесомой дороге, и вскоре перед ними открылся Голубой Дворец. Бирюзовые его своды, парившие на сапфировых колоннах, сливались с синевой неба, лазурные стены словно растворялись в голубоватом прозрачном воздухе. И не нужно было этому дворцу ни окон, ни дверей — распахнут он на все четыре стороны. В этом прозрачном дворце, словно состоящем из неба и воздуха, стояли, бегали и даже ползали крохотные мальчики и девочки. Они тоже были будто бы прозрачны и невесомы, как крылья стрекозы. И все заняты делом. Одни возводят небывалые башни и дома. Другие строят невиданные машины и механизмы. Третьи выхаживают цветы небывалой красоты или растят деревья, увешанные совершенно немыслимыми плодами — розовыми, алыми, оранжевыми, желтыми и даже голубыми. Эта девчушка танцует легко, словно порхающая бабочка. А тот малыш пишет картину, и такую, что не застыть около нее, не залюбоваться невозможно. Одни сосредоточены на своих делах и ничего вокруг не замечают, а другие веселы, непоседливы и так и норовят пуститься в пляс или запеть, а то возьмутся за руки и, увитые цветами и лентами, ведут бесконечный хоровод.

Тильтиль и Митиль просто замерли, любуясь всей этой картиной.

— Кто эти прелестные создания? — спросила Митиль.

И Душа Света очень светло и ласково улыбнулась.

— Это те дети, которые должны родиться завтра, или через год, или, может быть, через сто лет, — сказала она. —

В будущем, когда они родятся и вырастут, им предстоит украшать землю, растить сады, возводить города, придумывать немыслимые машины, писать книги. У каждого будет свое дело на Земле. Это все люди будущего. Мы же с вами в Царстве Будущего, не забывайте.

— Если Синей Птицы мы нигде на Земле не нашли, то, значит, она в Царстве Будущего, да? — догадался Тильтиль.

— Возможно, возможно, — задумчиво ответила Душа Света.

А дети в прозрачном дворце их уже заметили. Они оторвались от своих увлекательных занятий и окружили Тильтиля и Митиль.

— Смотрите, они ОТТУДА! Они — уже живущие на Земле! Расскажите, как там? — наперебой спрашивали малыши.

— Нам сказали, что на Земле красиво, — мечтательно проговорила крохотная девочка.

— Мы слышали, что ТАМ бывает жарко и холодно. А что это такое? — недоуменно спрашивал малыш.

— А нас всех ждут на Земле мамы, нам так сказали, — похвастал другой, — они добрые, да? У вас тоже есть мама?

Тильтиль и Митиль, снисходительно улыбаясь, объяснили несмышленным малышам, что на Земле так красиво, особенно ранним росным утром или днем при солнышке, или вечером при звездах, или ночью при луне. Всегда-всегда красиво. А в жару можно искупаться в речке или укрыться в тени. И в холод не страшно, а даже весело — оделся потеплей и катайся с ледяной горки.

— Наша мама самая добрая и лучшая на свете! — воскликнула Митиль и тут же утешила погрустневших малышей: — Все мамы добрые и ждут вас не дождутся!

— Правда? — обрадовались малыши. — Мы тоже ждем не дождемся, когда придет наше время родиться.

— Мне уже завтра. Так сказал Дедушка Время, — объяснила девочка. Она даже во время разговора пританцовывала, становилась на цыпочки и плавно, словно лебедиными крылышками, поводила руками.

«Наверное, на Земле она будет знаменитой танцовщицей», — догадался Тильтиль.

А дети уже тащили их за руки каждый в свою сторону. Им хотелось показать, что собирались они сотворить на Земле.

Душа Света в этом прозрачном Царстве Будущего словно сама растворилась, исчезла. Тильтиль и Митиль ее уже не видели да и, честно говоря, совсем забыли про нее: здесь было так интересно! Вот поднимаются в воздух летающие машины. Они без крыльев, и носы у них острые, как птичьи клювы. Вот под невесомым покрывалом мраморная статуя несказанной красоты. Она словно живая и как бы дышит, а под мраморной ее кожей бьются голубые жилки. А вот маргаритка — и такой величины, не меньше колеса! А вон там замысловатой формы колбочки, и в них пульсирует, перетекает, пузырится какая-то жидкость.

— Что это? А это? А это? — не успевали спрашивать Тильтиль и Митиль.

И малыши охотно объясняли.

— Это Машина Счастья. Я ее непременно изобрету на Земле.

— Смотрите, моя машина летает без крыльев и может долететь до Луны и даже дальше, в самые неведомые дали.

— В моем саду будут расти самые небывалые цветы. Эти маргаритки только начало. Я выращу розы, которые запол-

няют собой всю комнату. И пионы, которые не обхватишь руками. Вся Земля будет цвести моими цветами!

— А у меня вырастет виноград, где каждая виноградина величиной с грушу. А яблоки будут не меньше дыни! Всех на Земле накормлю!

— А я научу людей согревать Землю, когда остынет солнце!

Малыши раскричались, расшумелись. Каждому хотелось похвастать перед пришедшими ОТТУДА детьми своим будущим делом.

Внезапно по всему дворцу разнесся мелодичный звон, словно отбивали время гигантские часы: Бам! Бам-мм! И все малыши стихли, застыли на своих местах.

— Дедушка Время! Он зовет тех, кто должен вот-вот родиться! Скорей, скорей к нему! — зашелестели голоса малышей.

Медленно растворились большие опаловые двери. Это были единственные двери во дворце. Они отделяли Мир Будущего от Мира Настоящего. И все малыши устремились туда. А в дверях показался высокий седой старик с песочными часами в руке. За его спиной в розоватом тумане неясно светились золотые паруса чудесного корабля. Он ждал своих пассажиров — тех, кто сей же час, сию минуту отправится на свидание с Настоящим, тех, кто вот-вот должен родиться на свет и узнать свою маму, увидеть настоящее солнце, вдохнуть настоящий утренний воздух Земли и радостным криком возвестить всем о себе, новом человеке, пришедшем в большую семью людей.

Малыши толпились вокруг старика и наперебой просили:

— Меня! Меня возьмите! Мне надоело ждать! Я тоже хочу поскорей родиться!

Но суровый Дедушка Время отстранял рукой одних и выбирал из роящейся толпы малышей тех, чье время пришло.

— Ты родишься через пятьдесят три года и семь дней. А ты подожди до завтра. Тебе тоже ждать недолго — всего три года и три дня. А тебя, малыш, уже заждались твоя мама. Поспеш на корабль. И ты не задерживайся, а то опоздаешь родиться, — улыбался он в усы.

Малыши загалдели. Одни с радостным смехом толпились вокруг Дедушки Время. Другие со слезами на глазах уходили в сторону, горестно морща носики. И вдруг Дедушка Время заметил Тильтиля и Митиль. Они так отличались от лазоревых прозрачных малышей, что спутать их с обитателями Царства Будущего было невозможно. Да и трудно обмануть Дедушку Время. Он гневно упер в детей палец и прогремел:

— Откуда вы взялись? Как попали сюда? Что вам здесь нужно? Время хотите обмануть?

В страхе попятнулись Тильтиль и Митиль. Но куда бежать? Как спастись от гнева Дедушки Время? И тут перед ними возникла Душа Света. Она окутала их своим мерцающим покрывалом и мгновенно перенесла из Царства Будущего на Землю. И плыла над ними нежная мелодия песни, звучало далекое-далекое пение.

— Это мамы поют, — промолвила Душа Света, — они встречают на Земле своих долгожданных детей, родившихся в это мгновение. Может быть, вы еще встретитесь в жизни с теми, с кем познакомились в Царстве Будущего. Только, боюсь, не узнаете их.

Тильтиль вдруг спохватился:

— А Синяя Птица? Мы не нашли ее. Мы забыли про нее!

— Нет, Тильтиль, я не забыла о ней, — сказала Душа Света. — Но Синяя Птица, если она еще не родилась, если она живет пока в Царстве Будущего, не может раньше времени попасть на Землю. Не в наших силах унести ее оттуда.

— Что же делать? Фея так огорчится, — расстроилась Митиль.

— Я уже не могу вам ничем помочь, — грустно сказала Душа Света. — Рождественская ночь кончается. Вот-вот разгорится утренняя заря. Нам пора.

И она плавно двинулась навстречу розовеющему небу, увлекая за собой детей.

Глава восьмая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мгновение — и все изменилось. Как все знакомо и как непривычно. Заснеженная крыша, кирпичная стена, увитая плющом, зеленая калитка, тополь перед окном. Где они?

Три выщербленные ступеньки порога. Скрипучая дверь с колокольчиком под навесом. Откуда они так хорошо знают все это?

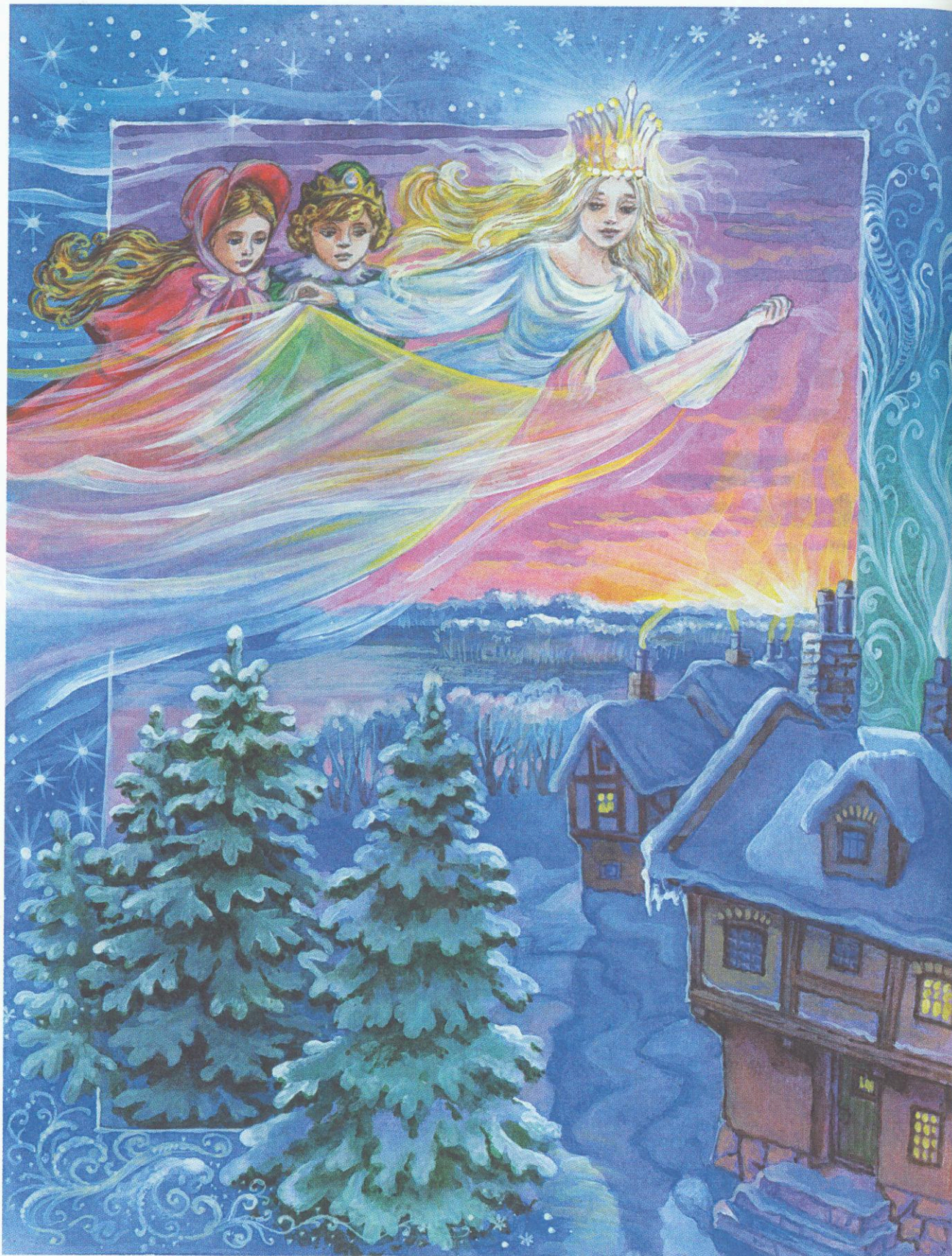
Теплая ночь. Занавешенное окно. Уютная кроватка. Часы на стене, тенью мелькающий маятник. Как во сне, силятся они узнать все это и никак не могут.

— Глупые, — промолвила Душа Света, — это ваш дом, ваша комната, ваши кроватки. И вам уже давно пора просыпаться...

— Как, это нам снилось? — спросила Митиль.

— Не знаю, не знаю, — загадочно улыбнулась Душа Света. — Рождественская ночь всегда немного похожа на сон и на явь.

Она поплыла по комнате, заструилась полосой света, подлетела к окну, и окно озарилось ослепительным утренним сиянием.

— А где Хлеб? Где Сахар? Где Огонь и Вода? Где Тило и Тилетта? — оглядывалась Митиль.

Тут они услышали бурчание.

— Вечно в этой квашне тесно, — бурчал Хлеб, уминаясь и превращаясь в тягучее тесто.

— О, как приятно разлечься в очаге. Тут тебе и чурочки, и угольки. Сейчас потрещим, пополюхаем, — потягивался Огонь.

— Ах, я совсем расплескалась по дороге. Полведра не наберется, — хныкала Вода.

— Слишком щедро я раздавал леденцы, — покачивал головой Сахар. — Пальцы мои леденцовые, конечно, отрастают, но не так быстро, как хотелось бы.

Кошка Тилетта свернулась клубочком на печи, и зеленые ее глаза светились холодно и спокойно. «Ничего, ничего, — как бы говорила она, — мы еще успеем насолить этому противному лохматому псу. А вас, дети, я люблю, как умею».

А пес Тило вертелся по комнате, крутил хвостом и весело погавкивал:

— Пора! Пора вставать! Гулять пойдем!

Ожили часы на стене, загудели: Бам! Бам-м! И будто бы зазвучала в комнате песенка:

Тинь-тинь, Тильтиль,
Динь-динь, Митиль!
Весь день, день-день,
Нам петь не лень!

Дверь в комнату растворилась, и вошли отец с матерью. Они долго глядели на спящих детей и улыбались. Тильтиль открыл глаза, сел на кроватке. Митиль поднялась и бросилась к матери.

— Мама! Мама! Как хорошо, что мы уже вернулись! — закричала она.

— Папа, — спросил Тильтиль, — вы тут не скучали без нас?

Мать встревоженно поглядела на детей.

— Что с вами, дети мои? Откуда вы вернулись? Куда ходили? Ведь вы спокойно спали в своих кроватках. Я ночью вставала укрыть вас одеяльцем. Ты, Тильтиль, вечно раскрываешься. А ты, Митиль, так разбрасываешься во сне, что того и гляди скатишься на пол.

— Ах, мамочка, — сказала мечтательно Митиль, — мы столько всего увидели, такое узнали...

Тут Тильтиль нахмурился.

— Но нам так и не удалось поймать Синюю Птицу, — сказал он. — Фея придет за ней. Что мы ей скажем?

— Какая фея? Нет у нас в округе фей, — рассмеялся отец. — Они переселились отсюда в сказки уже много-много лет тому назад.

— Есть! Есть! — закричала Митиль. — Ее зовут фея Берилюна. У нее внучка больна. Мы должны были ей помочь и не смогли.

В это мгновение кто-то робко постучал в дверь. И вошла горбатая полуслепая старушка, их соседка тетушка Берленго.

Она остановилась у порога и вежливо поздоровалась. Тильтиль так и подскочил на кроватке. Он в одной рубашке подбежал к старушке и горестно воскликнул:

— Дорогая фея Берилюна! Извините нас. Мы так ее искали, так искали! Но они то умирали, попадая на белый свет, то превращались в обычных серых птичек.

Мать с тревогой глянула на сына.

— Тильтиль, какая же это фея? — поразились она. — Ты разве не узнал? Это тетушка Берленго, наша соседка.

Но дети не слушали ее. Они схватили старушку за руки и с жалостью смотрели ей в глаза.

— Как же ваша внучка? — спросила Митиль. — Неужто она умрет без Синей Птицы?

И вдруг тетушка Берленго расплакалась. Слезы струились по ее морщинистым щекам. Она жалобно всхлипывала и просительно глядела на детей.

— Да, да, — бормотала она, — моя бедная маленькая внучка. Ей плохо. Совсем плохо. Она больна и несчастна. Я и пришла к вам по ее просьбе. Внучка просит все время какую-то Синюю Птицу. А у вас есть горлица. Может быть, моя внучка выздоровеет, если вы на время отдадите вашу горлицу нам?

— Но она вовсе не синяя! — сказал Тильтиль.

— Нет, синяя, синяя! — воскликнула Митиль. — Вы только посмотрите, какая она синяя!

Все обернулись к висящей на стене клетке. Там мирно клевала зернышки совершенно синяя, просто пронзительно синяя горлица! То ли утренний свет подсинил ее перья. То ли, наоборот, ночные синие тени, что копились по углам, придали ей своей синевы.

Как были счастливы дети! Они все-таки смогли подарить внучке феи Берилюны Синюю Птицу!

Счастливая старушка прижала клетку к груди и поспешила к себе.

— Бабушка! — тихо вскрикнула девочка еще слабым от долгой болезни голосом. — Милая бабушка, неужто ты принесла мне Синюю Птицу? — Огромные чудесные глаза ее заблестели и показались еще больше от наполнивших их радостных слез. — Отодвинь занавески, бабушка, — сказала девочка, — я хочу взглянуть на птицу при свете дня.

И она вдруг подняла голову с подушки, потом села на постели, а затем и вовсе поднялась на ноги. Испуганная тетушка Берленго бросилась к девочке, чтобы поддержать ее. Но та сделала шаг, другой, третий... И легко пошла к окну. Казалось, девочка не идет, а скользит, нет, парит над полом, словно у нее вдруг выросли за спиной невесомые крылья. Куда подевалась болезнь? Откуда взялись у девочки силы?

А волны дневного света омывали клетку с птицей Тильтиля. Она вертела головкой, встряхивала перышки, весело поглядывала на девочку и сейчас, в голубом свете ясного морозного дня, казалась еще синее.

— Бабушка! Бабушка! Я хочу на улицу! — воскликнула девочка.

Она запела и принялась танцевать. Внучка кружилась, кружилась, кружилась, а старая тетушка Берленго, вдруг превратившаяся от радости в молодую и прекрасную фею, затуманенными от счастливых слез глазами смотрела и смотрела на нее. И не могла наглядеться.

Не выпуская клетку из рук, девочка побежала к дому Тильтиля и Митиль. Она бросилась на шею смущенному Тильтилю и поцеловала его.

— Спасибо, спасибо тебе, — лепетала девочка. — Это такая синяя птица, такая синяя, ну просто синее синего!

Она подняла над головой клетку, и вдруг дверца клетки растворилась. Синяя горлица выпорхнула из нее и скольз-

нула в открытую форточку. Мгновение, и она исчезла за окном в снежной круговерти. Горько зарыдала девочка, опустилась на пол, словно ей, как птичке, подрезали крылья. Тильтиль бросился к ней, Митиль обняла ее. Но девочка рыдала безутешно. И тогда Тильтиль выпрямился. Глаза его стали строгими и серьезными.

— Не плачь, — сказал он, — я найду Синюю Птицу. Пусть на это уйдет вся моя жизнь. Обещаю тебе.

И девочка улыбнулась сквозь слезы.

Эрнст Амадей Теодор Гофман

Щелкунчик и Мышиный король

Шу-шу! Шур-шур! — таинственно доносилось из соседней комнаты. Фриц и Мари сидели в полутемной спальне и прислушивались. Накануне Рождества их крестный Дроссельмейер мастерил для них какой-то особый подарок.

Тук-тук! Бам-бам! — разносилось по дому.

Ох, уж этот крестный Дроссельмейер! Станный он человек. Даже человечек. Маленького роста, сухонький, морщинки на лице сеточкой. На лысой, как блестящий шар, голове пудренный парик. А вместо правого глаза — черная, но совсем не страшная повязка. И этот некрасивый маленький человечек был большим искусником. Каждый раз дарил он детям необыкновенную игрушку. То

крохотного кавалера-шаркуна с выпученными глазами, то коробочку-сюрприз, из которой со звоном выскакивает серебряная птичка. Интересно, что на этот раз мастерит, скинув желтый сюртучок и надев голубой передник, их затейник крестный?

Стемнело. Дети, прижавшись друг к другу, прислушивались к звукам из гостиной. А там! Там в этот момент родители расставляют на отдельном столике под елкой множество чудесных подарков. Сейчас, сейчас распахнутся двери, и...

Динь-динь-дилинь! — пролепетал серебряный колокольчик. Можно! Фриц и Мари сорвались с места и кинулись в гостиную. Ах! Посреди комнаты окутанная сияющей музыкой света высилась великолепная елка. Пушистые ветки увешаны золотыми и серебряными яблоками, гроздьями обсахаренных орешков, конфет, облитых разноцветной глазурью пряников. В зеленой тьме хвои, как звездочки в ночном небе, мерцали и переливались, озаряя комнату, сотни маленьких свечек. Но самое главное — рождественские подарки!

Нарядные куклы с фарфоровыми личиками и горка игрушечной посуды для восхищенной Мари. А праздничное шелковое платье, в оборках и цветных лентах! И ей наверняка непременно позволят надеть его! Фриц тем временем верхом на гнедом деревянном коне галопом объезжал стол, на котором застыл в ожидании полководца эскадрон гусар в великолепных шитых золотом красных мундирах с серебряными сабельками наголо.

Дети не знали, за что хвататься, то ли играть с куклами и барабанщиками, то ли листать чудесные книжки с разноцветными, будто живыми картинками. Но тут снова

зазвонил колокольчик. Настал черед подарка крестного Дроссельмейера. Раздвинулась маленькая ширма, и на покрытом зеленым сукном столике, как на лужайке, вырос перед детьми замок. Заиграла музыка. Распахнулись зеркальные окошки, зажегся свет в золотых башенках. И тут все увидели, что по залам замка парами гуляют крошечные кавалеры в белых чулках и камзолах и дамы в шляпах с перьями и платьях со шлейфами. В малюсеньких, с наперсток, серебряных люстрах сияют спиченки свечек, и под музыку пляшут и прыгают дети в разноцветных курточках и панталончиках. А из окна выглядывает господин

в изумрудно-зеленом плаще и приветливо кланяется Фрицу и Мари. Крестный Дроссельмейер! Конечно же, он. Только с мизинец ростом.

— Крестный, пусти нас к себе в замок! — вскричал Фриц.

Но изумрудно-зеленый человечек ничего не ответил, а спрятался в окне. Впрочем, тут же показался снова и приветливо поклонился. И опять исчез. И вновь появился. И дамы с кавалерами прохаживались все так же кругами. И дети в замке топали ножками, как заведенные.

— Ну, — протянул Фриц, — это скучно! — И он занялся своими солдатиками.

А Мари вдруг присела на корточки перед елкой. Она увидела странного человечка, скромно

стоявшего под разлапистой пушистой веткой. Не очень-то складный был этот деревянный человечек. Чересчур громоздкое туловище на тонких ножках и великоватая голова с тяжелой челюстью. Но зато одет человечек был вполне пристойно и даже щегольски. Фиолетовый гусарский мундир, весь в пуговичках, опушках и позументах, узкие рейтузы и сапоги со шпорами. Все сидело на нем так ловко, будто было нарисовано. Из-под круглой плоской шапочки выпрастывались белые букли нитяного парика, а завитки шерстяных ниток — щеголеватые усики над алой губой — не скрывали добродушной улыбки, сверкавшей жемчужным рядом ровных, крепких зубов. Мари тут же полюбила человечка, который приветливо и дружелюбно поглядывал на нее.

— А этот милый человечек для кого? — воскликнула Мари.

— Для всех, — ответил отец. — Это Щелкунчик. Он, как и все его предки, отлично умеет разгрызать орехи.

Мари тут же схватила горсть орешков, и Щелкунчик, продолжая приветливо улыбаться, колот их своими крепкими зубами. Фриц на минуту оставил свой оловянный эскадрон и тоже сунул в рот Щелкунчику орех. Но выбрал при этом самый большой и твердый. Крак!.. — обломилась три зуба у бедного Щелкунчика, а тяжелая челюсть беспомощно отвисла.

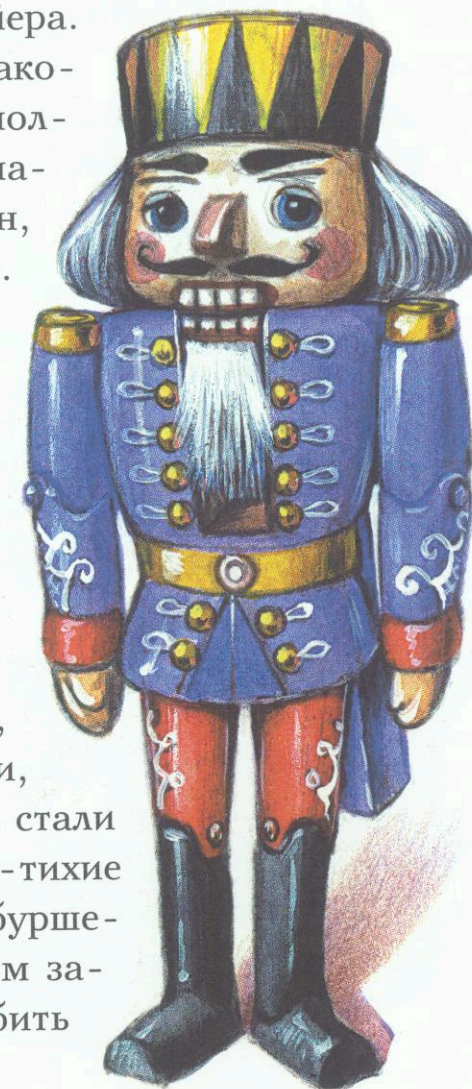
— Фу, глупый Щелкунчик! — вскричал Фриц. — То ли дело мои драгуны! Им никакое самое крепкое ядро не страшно!

И он снова вернулся к своим солдатикам. А Мари, вся в слезах, прижала к груди раненого Щелкунчика, подвязала ему больную челюсть белой ленточкой и заботливо укутала платком.

— Щелкунчик, миленький, — шептала она, — не сердись на Фрица. Он добрый. Просто немного огрубел со своими оловянными солдатиками. А я буду тебя беречь и лечить. — И Мари нежно баюкала Щелкунчика.

А ночь, таинственная Рождественская ночь, уже подкрадывалась к дому, затягивала окна синим сумраком. Пора было складывать игрушки. В гостиной налево от двери стоял высокий стеклянный шкаф. На верхней полке, до которой детям было не дотянуться, расположились чудесные изделия крестного Дроссельмейера. Ниже рядом теснились книжки в лаковых переплетах. На самой нижней полке Мари устраивала кукольную комнату, где жила любимая кукла Трудхен, а теперь и новая нарядная Клерхен. Фриц занял полку повыше и расставил строем своих конных и пеших солдат с барабанщиками, трубачами и знаменосцами.

Мари и не заметила, как осталась одна в комнате. Она поставила Щелкунчика на полку и уже собиралась идти в спальню, как вдруг отовсюду — из-за шкафа и стульев, из-под стола и из-за кафельной печи, из каждого темного угла — о-ох! — стали разлетаться, подкрадываться тихие-тихие шорохи, шепоты, шуршание и шебуршение. А настенные часы с маятником захрипели, засипели, готовясь пробить полночь.

Ти-ик! Та-ак! — медленно, с трудом, словно полусонный, качался маятник.

И тут Мари явственно различила хриплый голос:

Тише! Тише! Слышишь? Слышишь?

Из угла ночной гостиной

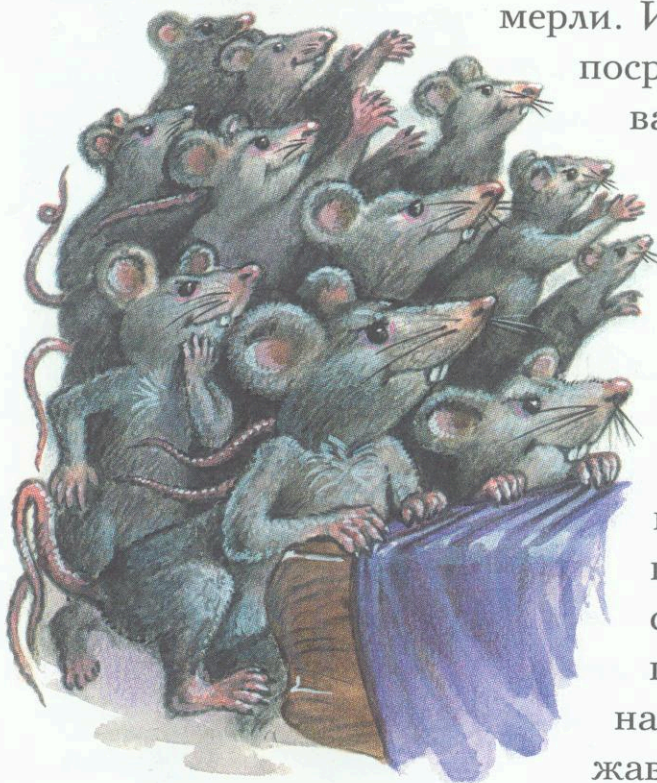
к нам ползет король мышиный...

И часов старинных бой

нас зовет на смертный бой...

Бом-м! Бом-м!.. — двенадцать раз ударили в тишину часы. И тут же за стеной, по углам, под полом слышались писк, возня и дробный топоток тысячи крохотных лапок. Острыми огоньками засветились тысячи глазок-буравчиков. И отовсюду стали сбегаться несметные полчища мышей. Они выстроились в боевом порядке прямо перед Мари и замерли. И треснул, приподнялся пол

посреди гостиной, разбрызгивая звонкие янтарные половицы. Из-под пола с отвратительным шипением вылезли семь мышиных голов в сверкающих коронах, а следом и толстое тельце, на котором и покачивались все семь гадких мышиных головок. Под предводительством своего семиголового предводителя все мышиное войско стало надвигаться на Мари, прижавшуюся к шкафу.

Что-то будет?

Но тут — дзынь! — разбилась стеклянная дверца шкафа, и зазвенел храбрый голосок:

— Вперед! За мной! На бой! На бой! Вперед на горе мышиной своре!

Тут Мари увидела, что внутренность шкафа осветилась. Во весь свой рост поднялся раненый

Щелкунчик и взмахнул серебряной саблей. И встали с ним плечо к плечу три храбрых паяца, четыре трубочиста, два трубача, барабанщик и Панталоне со знаменем. Безрассудно-смелым прыжком перелетел Щелкунчик на пол. Мягко шлепнулись следом за ним бархатные паяцы и туго набитые опилками музыканты с трубочистами. Спорхнул с развевающимся, как крылья бабочки, знаменем Панталоне.

— Эй, барабанщик! Бей тревогу! Зови подмогу! — звонко командовал Щелкунчик.

Грянула барабанная дробь. Разом распахнулись обе дверцы шкафа. Загремели сапоги, забряцали сабли, заржали лошадки, и ровными

шеренгами выступили солдатики Фрица. Кирасиры сверкали своими доспехами. Драгуны гарцевали, сидя в высоких седлах. Блестящие гусары лихо прищпоривали коней. А за кавалерией катили пушки усачи пушкарки. Один за другим промаршировали полки перед Щелкунчиком с развевающимися знаменами и барабанным боем.

— Труби атаку, трубачи! За мной, солдаты-силачи! — прогремел Щелкунчик.

И — бух-бах-тарарах! — грохнули пушки. Полетела в мышей россыпь сахарного драже. Бум-бум-турум-бум! — ухнули тяжелые орудия, посылая на мышинные полчища круглые пряничные бомбочки. Немало мышей полегло под градом снарядов. Сахарная пыль, словно белый дым, заслонила сражающихся, и Мари с трудом различала,

что происходит. Но видела она, как все новые и новые толпы мышей выползают из всех щелей и норок. А в ушах у нее стоял непрерывный грохот боя. Др-дрр! — скакали по полу сахарные шарики драже. Плямс! — шлепались, рассыпаясь на кусочки, глазуревые пряники. Цвинь-цвинь! — звенели сабли. У-виии! И-ии! — пищали мыши. И надо всем гремел голос полководца Щелкунчика:

— Смелей! Бей! Не жалей!

Пушкарки установили свои пушки на скамеечке для ног и палили с высоты, опустошая ряды мышей. Но те все напирали и напирали. И вот перевернулась скамеечка, покатались по полу пушки. Мышиные полчища потеснили гусар, кирасиров и драгун. Рассеянная по комнате кавалерия спешно утекала в спасительный шкаф, оголяя правый фланг. Щелкунчик в растерянности огляделся. Нет, левый фланг его армии держался! Там сражались крохотные куколксюрпризы, вышедшие из

шоколадных бомбочек. Кого только не было в этих пестрых рядах! Садовники и тирольцы. Тунгусы и парикмахеры. Мартышки и обезьяны. Арлекины и купидоны. Львы и тигры. Под предводительством двух китайских императоров они сдерживали натиск мышинной армии, медленно отступая к нижней полке шкафа. Щелкунчик храбро врезался в мышинные ряды.

— Тревога! Тревога! Где ты, подмога? — в отчаянии призывал он.

На его зов из шкафа выскочили лишь несколько коричневых пряничных человечков в золотых шляпах. Но они были такими неумелыми бойцами, что тут же попали в окружение мышей. Одному отгрызли ногу, другого помяли, с третьего сбили шляпу. Большая опасность грозила смелому

Щелкунчику, который даже не мог вспрыгнуть на нижнюю полку шкафа. Слишком уж коротки были его ножки, чересчур неповоротливо деревянное туловище. Ему бы сейчас коня!

— О, мой бедный Щелкунчик! — вскричала Мари. Она стащила с левой ноги туфельку и с размаху швырнула ее в самую гущу мышей, целясь в противного семиголового короля.

И все в тот же миг исчезло! Голова у Мари закружилась, и она без чувств осела на пол...

Очнулась Мари в своей постели. Сквозь занавеску светило яркое солнце.

— Наконец-то! — прошептала мама, в тревоге глядевшая на дочь.

— Скажи, милая мамочка, — слабым голосом спросила Мари, — Щелкунчик спасен? А противные мыши? Они убрались отсюда вместе со своим семиголовым королем?

Мама погладила Мари по головке и ласковым голосом успокоила:

— Не бойся, детка. Щелкунчик стоит в шкафу целый и невредимый. Тебе все померещилось.

Несколько дней лежала Мари в кровати и глотала горькие таблетки. Но вот она поднялась и первым делом кинулась в гостиную к шкафу с игрушками. Щелкунчика там не было! Мари в растерянности стояла перед стеклянными дверцами шкафа, не смея поверить своим глазам, как вдруг позади нее кто-то произнес скрипучим голосом:

Ходит маятник упруго.
Стрелки бегают по кругу.

Тьму с собой приводит ночь.
День ее прогонит прочь.

Перед нею стоял крестный Дроссельмейер.

— Не сердись, Мари, что я не прогнал мышиного короля, не растоптал полчища злых мышей. Не поспел. Зато... Гляди!

И он вынул из кармана Щелкунчика! Искусной рукой крестный Дроссельмейер починил сломанную челюсть деревянного человечка и снова вставил три потерянных зуба.

— А где его сабля? — спросил вбежавший в комнату Фриц.

— Я вылечил Щелкунчика, — проворчал крестный. — А уж саблю пусть сам добывает в бою. Так же, как сумел расколоть орех Кракатук!

— Какой орех? — насторожилась Мари. — Расскажи, сейчас же расскажи, крестный.

— Хорошо, — сказал крестный Дроссельмейер, усаживаясь поудобнее, — слушайте.

И вот какую сказку поведал он Фрицу и Мари.

СКАЗКА О КРЕПКОМ ОРЕХЕ

У короля и королевы родилась дочь — малютка Пирлипат. Никогда еще мир не видел такой прекрасной принцессы. Она вся была словно бы соткана из лилейно-розового шелка, глазки — лазурнее чистого неба, а кудри отливали золотом раннего восхода. Росла малютка принцесса в холе и неге. Все обожали Пирлипат и с каждым днем обнаруживали в ней тонкую душу, доброе сердце и ясный ум.

Однажды король решил задать небывалый Колбасный пир.

— Дорогая, — молвил он королеве, — ты, надеюсь, знаешь, какая колбаса мне по вкусу? Позаботься. — И глазки его масляно загорелись.

И вот съехались ко двору короли да принцы из окрестных столиц. Королева повязала шитый серебром и золотом кухонный передник и самолично занялась приготовлением особой — королевской свинной — колбасы. Первым делом нарезали ломтиками розовое сало и стали поджаривать, подрумянивать его на золотой сковороде.

И вдруг из подпола послышался тоненький голосок:

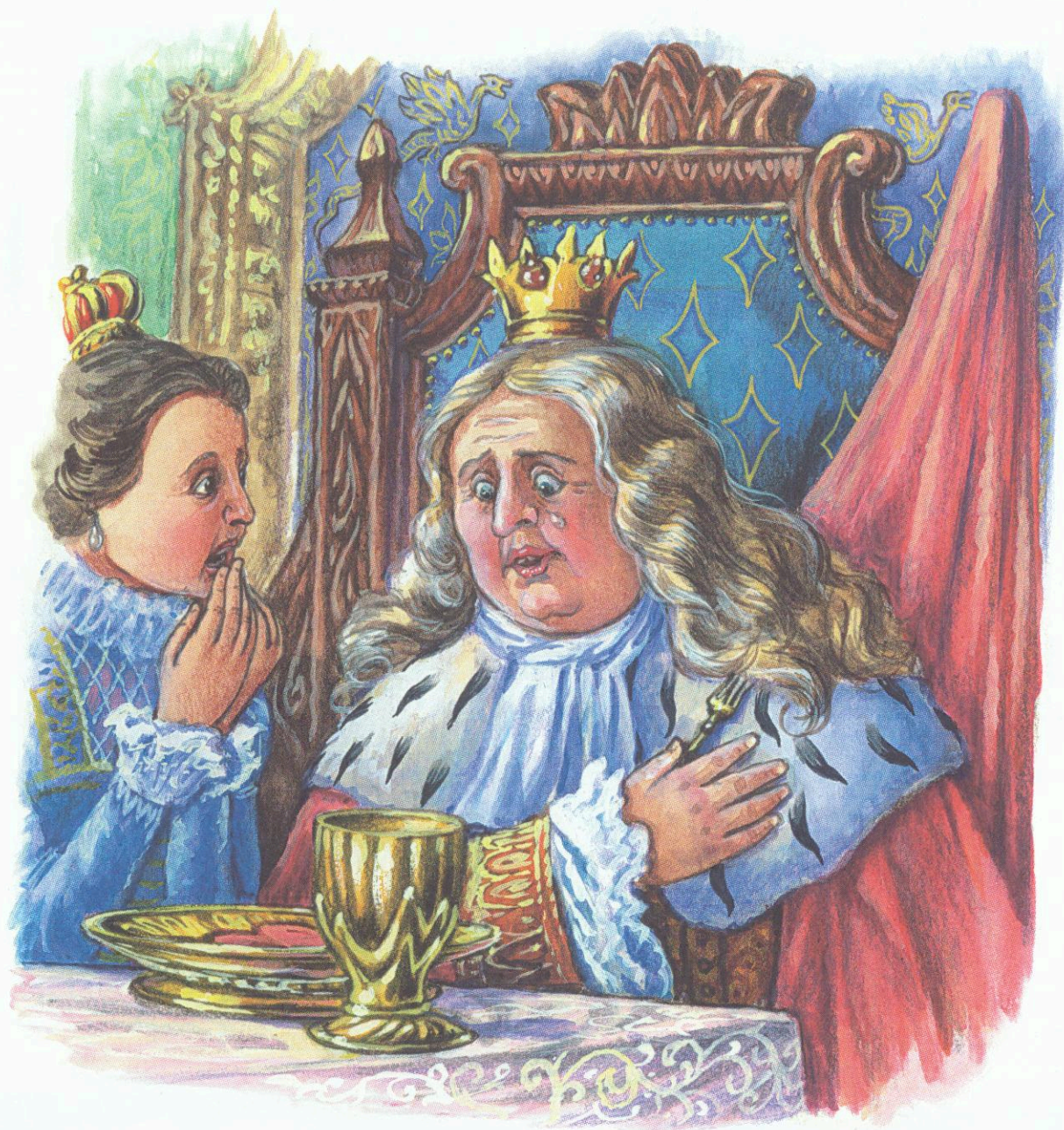
— Дай и мне сальца, сестрица! Я тоже не прочь подкрепиться.

Королева сразу узнала противный голос Мышильды, королевы мышей. Та давно уже обитала во дворце и даже обосновала в одной из кладовок столицу своей страны Мышляндии. В другой день королева и не подумала бы подкармливать нахальную Мышильду, но сегодня торжество — знатный пир, и она кинула Мышильде кусочек сальца. Не успела королева и ахнуть, как налетели мышиные сыновья и племянники, облепили кухонный стол и вмиг расхватали все сало. Но поздно было поджаривать новую порцию. Пришлось приготовить свиную колбасу без единого кусочка сала.

И грянул пир! Тру-ру-ру! — загудели трубы. Дум-дум-дум-м! — загремели литавры, созывая гостей. Король первым испробовал еще теплую, источающую чудесный запах свиную колбасу. Он положил на язык розовый ломтик, закатил глаза в предвкушении удовольствия и вдруг ахнул, откинулся на троне и горько зарыдал. Неужто заболел? Умирает? Послали за Придворным Лекарем. Но король слабо махнул рукой, открыл глаза и скорбно проstonал:

— В колбасе нет сала!

Пришлось королеве во всем признаться. Вознегодовал король и призвал Придворного Чародея и чудадея Христиана-Элиаса Дроссельмейера, приказав ему срочно изгнать из дворца Мышильду и все ее прожорливое семейство. Недолго думал чародей. Он смастерил сотню хитрых машинок-ловушек с привязанными внутри кусочками жареного,

пахучего сала. На эту хитрость попались многие сыновья и кумовья, дяди и племянники мерзкой Мышильды. И тогда поклялась мышиная королева отомстить.

Прошло время. Как-то вечером нянюшка задремала у колыбельки малютки Пирлипат. Вдруг сквозь дрему услышала она странный шорох. Открыла глаза и ахнула. Громадная мышь стояла на своих тонких паучьих ножках и тянулась усатой мордой к спящей принцессе. В ужасе завизжала нянюшка. Мышильда, а это, конечно же, была она, юркнула в темный угол и пропала. На шум прибежали король и королева. Глянули они в колыбельку и обмерли. Вместо прекрасной малютки принцессы там лежала жалкая уродина. На сморщенном сером тельце еле держалась большущая сплюснутая голова с выпученными глазищами и растянутым до ушей безобразным ртом.

И снова призвал король Придворного Чародея и чудадея Христиана-Элиаса Дроссельмейера и повелел ему вернуть принцессе былую красоту. Чародей, не теряя ни минуты, отправился к Придворному Звездочету. Тот поглядел на звезды, полистал старинные книги и составил звездный гороскоп принцессы Пирлипат. И открылось, что спасет принцессу неведомый орех Кракатук. Стоит его расколоть и дать ядрышко малютке, как она снова станет прекрасной. Только скорлупа того ореха такая твердая, что и под тяжеленным молотом кузнеца он не расколется. Но есть где-то на свете юноша, который в силах разгрызть орех. Его-то и отправились искать чудадей Дроссельмейер и Звездочет.

Пятнадцать лет странствовали они по свету и наконец пришли в город Нюрнберг. Жил в том городе игрушечный мастер, лакировщик и позолотщик Кристоф-Захариус Дроссельмейер, двоюродный брат нашего чародея. Послушал

он печальную историю малютки Пирлипат и покачал головой:

— Вот так штука!

А потом призадумался и воскликнул:

— Есть орех Кракатук! Слушайте. Как-то раз мимо моей мастерской проходил сборщик орехов. Мешок его прохудился, и на землю высыпалась горка отборных орехов. В этот момент проезжала тяжело груженная телега. Проехалась она колесами по орехам и все передавила. Но стоило ей наткнуться на один откатившийся в сторону орешек, как громко кракнуло колесо, телега перевернулась. А орешек тот лежал себе на земле невредимый. Я подобрал его. И недаром. Приходил ко мне некий чужеземец, предлагавший много золота за один тот странный орешек. Не продал я его и теперь не жалею.

Радости путешественников не было границ. Но чародей и чудодей Дроссельмейер вдруг пригорюнился.

— Орех Кракатук есть, но где отыскать того юношу, что в силах его разгрызть? Неужто нам блуждать по свету еще пятнадцать лет?

И снова воскликнул игрушечный мастер:

— Есть такой юноша! Мой племянник. Зубы у него первейшей крепости!

— Ну, это не трудно проверить, — сказал Звездочет и принялся составлять гороскоп крепкозубого племянника.

Все звезды и планеты сошлись, как положено, и решили призвать юношу. Явился писанный красавец в красном, шитом золотом кафтане, при шпаге, с косичкой на затылке и со шляпой в руке. А шляпа была полна крупных орехов. Юноша щелкал их с такой легкостью, что странное

прозвище его — Красавчик Щелкунчик — было как нельзя кстати.

И вот Дроссельмейер и Звездочет вместе с юношей Щелкунчиком прибыли в столицу своего королевства. Прослышали о крепком орешке окрестные принцы и собрались попытать счастья, да только зубы обломали.

— Не по зубам орешек! — шепелявили неудачники.

Но вот взял орех Кракатук юноша Щелкунчик, вежливо поклонился королю и королеве, улыбнулся уродине

Пирлипат, дернул себя за косичку и — крак! — разгрыз небывалый орех. Поднес он ядрышко принцессе, та съела его и тут же на глазах у изумленного народа обернулась прежней прекрасной Пирлипат.

Гроном грянули литавры и трубы. Потрясли стены дворца ликующие крики народа. На шум выскочила из щели испуганная Мышильда. Тут-то и случилось непоправимое. Юноша Щелкунчик оступился и наступил на юркнувшую под ноги мышь. И так же, как только что легко кракнул в его зубах орех, расплющилась под его ногой Мышильда. И раздался ее предсмертный писк:

Ах, тяжело мне под каблуком!
Прощай, мой сын, прощай, мой дом!
Увы, на смерть осуждена!
Но буду я отомщена!

И — о ужас! — прекрасный юноша в тот же миг превратился в крохотного уродца на тонких ножках. Нижняя челюсть отяжелела и рот, усеянный длинным рядом зубов, растянулся до ушей. А туловище словно бы одеревенело.

Глянула на него прекрасная принцесса Пирлипат и вскричала с отвращением:

— Убирайся вон, противный Щелкунчик!

С тех пор никто его не видел. Правда, добрый чародей Дроссельмейер уговорил Звездочета вызнать у планет судьбу несчастного Щелкунчика. И тот предсказал, что Щелкунчик вернет себе былую красоту и статность, когда победит семиголового сына Мышьильды, срубит его головы собственной рукой. И никто другой не сможет развеять злые чары.

Этими словами закончил крестный Дроссельмейер свой грустный рассказ.

Теперь-то Мари догадалась, почему ее крестный не пришел на помощь Щелкунчику в битве с мышами. Но что же сам Щелкунчик? Мари подбежала к шкафу. За стеклянными дверцами неподвижно стояли куклы, сахарные человечки, солдатики. И Щелкунчик не шевельнулся, не откликнулся, как ни звала его Мари. Но то ли проехала по мощеной улице карета, то ли протопал в тяжелых сапогах важный майор, вдруг задрезбжали тонкими колокольчиками стекла шкафа, и, словно бы издалека, донеслись до Мари слова:

— Мари, не печалься. Осилю беду и принцем желанным к тебе я приду...

Мурашки пробежали по спине Мари, и было так приятно, будто погладили по ее головке. Она смутилась и убежала. Вечером Мари сидела на коленях у крестного Дроссельмейера и рассказывала ему о битве с мышами,

о храбрости Щелкунчика. Мама, слушая ее, улыбалась, а крестный был очень серьезен.

— Милая Мари, — сказал он, — ты видишь больше, чем все мы, взрослые. Береги в себе это светлое царство, верь и станешь такой же прекрасной принцессой, как Пирлипат. Но не прогоняй Щелкунчика, а защити этого несчастного

уродца от мерзкого мышинного короля. Только ты и можешь спасти Щелкунчика. Будь стойкой и преданной.

Надолго запомнила странные речи крестного маленькая Мари. И вот однажды лунной ночью девочка проснулась от непонятного дробного стука, будто кто-то высыпал из горсти на пол горошины. Она услышала мелкий топоток и противное попискивание. Мыши! Опять мыши! Мари онемела от страха. И вдруг на столик рядом с ее кроватью вскочил мышиный король, сверкая острыми, жадными зубками,

крохотными горошинами глаз и всеми семью золотыми коронами.

— Хи-хи-хи! — пропищал он. — Ты в моей власти! Отдай свои сласти!

Задрожала от страха Мари, но не смогла и пошевелиться. А мышиный король с мерзким тоненьким смехом исчез в щели между полом и стеной. Наутро мама с удивлением обнаружила, что оборваны с елки конфеты и пряники, обгрызены острыми зубками.

— Неужто у нас завелись мыши? — ахнула мама.

Но Мари ничего не сказала о мышинном короле. Она втихомолку радовалась, что Щелкунчик остался цел и невредим. Вечером со слезами на глазах Мари вынула из шкафа своих сахарных куколок — пастушка с пастушкой, белоснежных барашков, белую собачонку, девушек в праздничных белых платьях на качелях. Пусть уж мерзкий мышиный король насытится сахарными человечками, лишь бы не трогал Щелкунчика.

— Благородный господин Щелкунчик, — шептала она, — я не дам вас в обиду.

И вдруг в ответ раздался тихий голосок Щелкунчика:

— Острую саблю прошу! Ею врага сокрушу!

Мари растерялась. Но тут на помощь пришел Фриц. Он как раз отправил в отставку старого кирасирского полковника. И у Щелкунчика появилась отличная серебряная сабелька.

А в полночь снова слышались поскребывание и писк.

— Мышиный король! — вскрикнула Мари, проснувшись.

Шкаф затрясся, закачался, а потом из-за стеклянной дверцы шкафа долетел тонкий голосок:

— Пощады нет тебе! Умри! — И следом — победный возглас: — Откройте дверь, мадемуазель Мари!

Мари со свечкой подбежала к шкафу и распахнула дверцу. Пред ней предстал Щелкунчик. На его серебряную сабельку были нанизаны все семь золотых корон мышинного короля. А Щелкунчик преклонил колено и провозгласил:

— Прошу с поклоном позволения вас пригласить в мои владенья.

Он подал руку Мари, и они ступили на порожек платяного шкафа. Щелкунчик дернул за рукав отцовской лисьей шубы, мохнатой и пушистой, как рождественская елка, и оттуда тотчас опустилась легкая кедровая лесенка. Спустя мгновение Мари очутилась на лугу, сверкающем разноцветными камнями.

— Это Леденцовый луг, — пояснил Щелкунчик и направился к высоким воротам, сделанным, казалось, из коричневого мрамора с белыми прожилками. Мари с удивлением обнаружила, что это вовсе и не мрамор, а вкрапленные в пряник изюм и миндаль. Сказочные ворота так и назывались — Изюмно-Миндальными. На блестящей, отделанной сахарной глазурью галерее сидели шесть обезьянок в красных камзолчиках и наигрывали нежную и тягучую, как сливочная тянучка, мелодию.

Мари и Щелкунчик вошли в ворота. Перед ними раскинулась чудесная благоухающая роща. Искрилась темная листва. Поблескивали серебряные и золотые плоды. Стволы и ветви были оплетены цветными шелковыми лентами и золотящейся мишурой. Потрескивали и плясали в темно-зеленой гущине веселые оранжевые огоньки.

— Мы в Рождественской роще, — тихо сказал Щелкунчик и ударил в ладоши.

В то же мгновение явились сверкающие сахарными блестками пастухи и пастушки, трубачи и охотники, гусары и дамы. И начался танец, легкий, как взмах бабочкиных крыльев, и стремительный, как стрекозиный полет. Но танцоры кружили и кружили, повторяли одни и те же па,

словно заведенные. А Мари уже стремилась дальше, в глубь чудесной кукольной страны.

Вот послышалось тихое журчание и шипение волн. Ах, это прозрачный зеленоватый лимонадный поток несется между будто бы облитых шоколадом гладких камней! На берегу этого шипучего лимонадного ручья раскинулась Пряничная деревушка. Дома, церковь и даже амбары были крыты золо-

чеными крышами, а коричневые стены расписаны чудными цукатными узорами.

Щелкунчик повел Мари через просторные поля и извилистые речки к толстым розовым, как пастила, стенам небольшого городка. Мари увидела, как с веселым гомоном суетятся у доверху груженных возов крохотные человечки в ярких, будто бы леденцовых, кафтанах. Они разгружали толстые шоколадные плитки и горы конфет в шуршащих обертках. И Щелкунчик тут же объяснил, что это жители города Конфеттена получили дар от короля из соседней Шоколадной страны.

— Ах, как здесь прекрасно, милый господин Дроссельмейер! — воскликнула Мари.

Щелкунчик отвесил благодарный поклон и заторопился дальше. И вот они на берегу Розового озера. Оно окружено благоухающими кустами роз, и оттого вода кажется тоже нежно-розового цвета. Серебристо-белые лебеди скользят по зеркальной глади. Хрустальные рыбки искрятся в прозрачной воде. И в серебряных звуках струй Мари слышались вдруг звуки песенки:

Рукавом прозрачным вея,
Над водой порхает фея.
Фея ветра. Фея вод.
Рыб жемчужных хоровод.
Волн воланы. Веер брызг.
Медом пахнет тамариск.

Мари взгляделась в чистое зеркало воды и увидела круглое размянувшееся, будто сотканное из розовых лепестков, девичье личико.

— Смотрите, милый Щелкунчик, дорогой господин Дроссельмейер! — радостно вскричала она. — Там принцесса Пирлипат! Она улыбается вам!

Но Щелкунчик покачал головой:

— Это не принцесса Пирлипат. Вы сами, ваше личико улыбается, отраженное в волнах Розового озера.

Мари сконфузилась и отвернулась. А навстречу им вышел вдруг расфуфыренный парчовый человечек, поклонился Щелкунчику и молвил:

— Добро пожаловать, любезный принц, в столицу вашего королевства прекрасный Марципанштадт!

«Принц!» — ахнула про себя Мари. Но еще больше поразила она, когда очутилась перед грандиозным замком. Он был похож на восхитительный торт с множеством воздушных, как бы сделанных из сбитых сливок, башен с большим куполом главного зала, усеянным тысячами крохотных золотых и серебряных блесков, с тяжелыми, разлинованными на квадратные шоколадные дольки воротами и перекидным вафельным мостиком, под которым вдоль глубокого рва струились прохладные апельсиновые воды.

И тут Мари заметила, что в кровле одной из башен зияет безобразная дыра. Ее быстро заделывали рифлеными вафельными листами крошечные человечки, забравшиеся на помост из пластинок корицы.

— Да, — покачал головой Щелкунчик, — недавно здесь появился известный в округе Сладкоежка и откусил часть Бисквитной башни. Но ничего, скоро ее починят.

Тут запахнулись ворота, и Мари следом за молодым принцем Дроссельмейером ступила во двор замка. Они очутились на площади, посреди которой возвышался многослойный и многоэтажный пирог-фонтан. По кругу стояли на

хвостах марципановые дельфины с блестящими изюмными глазками. Из открытых дельфиньих ртов с шипением били разноцветные лимонадные струи. Оранжевая апельсиновая. Желтая грушевая. Алая гранатная. Прозрачная яблочная. Смешиваясь, кипели шипучие струи в обложенном валиками сбитых сливок бассейне. А вокруг плясали, пели и смеялись толпы крохотных мальчиков и девочек. Их веселый гомон заглушал даже шум шипучих фонтанных струй.

Вдруг из-под стрельчатой сахарной арки навстречу им бросились... куклы Трудхен и Клерхен! Нет, нет, Мари обзвалась. Эти дамы в роскошных платьях, конечно же, прирожденные принцессы! Они устремились к Щелкунчику и нежно защебетали:

— О, дорогой наш братец! Ах, милый принц!

А Щелкунчик взял за руку Мари и вывел ее вперед.

— Это несравненная мадемуазель Мари, — торжественно объявил он. — Моя спасительница. Не кинь она туфлю в самый разгар битвы, не добудь она мне вовремя саблю старого кирасира, загрыз бы меня мерзкий мышинный король.

Принцессы тут же кинулись к Мари и стали ее обнимать и целовать. Мари зарделась, а принц Щелкунчик воскликнул:

— Взгляните, как она прекрасна! Ну, разве может сравниться с несравненной мадемуазель Мари по красоте, доброте и преданности Пирлипат, пусть она и настоящая принцесса!

И снова принялись обнимать Мари царственные сестры Щелкунчика.

— Ах, благородная спасительница! О, несравненная, бесценная, бесподобная наша подружка Мари!

Они пригласили желанную гостью во дворец и немедленно принялись готовить угощение. Появились золотые ка-

стрюльки и мисочки тончайшего китайского фарфора, серебряные терки и медные ступки, ножи, вилки, ложки. Воздух наполнился ароматами пряностей. Всхлипнули в крошечных давяльных диковинные плоды, прыскавая струйками сладких соков. Захрустел в ступках миндаль.

Мари тоже с удовольствием включилась в веселую кухонную суету. Она старательно крошила тяжелым пестиком скользкие карамельки. А Щелкунчик тем временем рассказывал о трудной и долгой битве с мышами, о храбрости

солдати́ков, о стойкости и преданности Мари, которая даже готова была пожертвовать своими сахарными подданными.

Мари слушала и слушала. Удары пестика, журчание фруктового сока, шелест шелковых платьев принцесс, слова Щелкунчика постепенно сливались в чудную мелодию. Над плитой поднимались облака ароматного пара, и они серебряным туманом клубились перед глазами Мари, застилая и заслоня начищенную до блеска кухонную утварь, горы диковинных плодов да и самого Щелкунчика.

Голова Мари закружилась, словно ее несло куда-то ввысь, все выше и выше, выше и выше...

— О-ох! — Мари упала с невероятной высоты и... и проснулась в своей кровати.

В окна било солнце. Рядом стояла мама.

— Заспалась, голубушка, — мягко пожурила она. — Завтрак давно на столе.

Мари широко раскрыла глаза и с удивлением огляделась. Да, она действительно дома, в своей спальне. Наверное, там, в замке прекрасного принца Щелкунчика она крепко уснула, убаюканная звуками его мелодичного голоса, и верные пажи принца осторожно перенесли ее в собственный дом, уложили в постель и, никого не разбудив, вернулись в свой несравненный Марципанштадт.

Конечно же, так и было! И Мари принялась рассказывать маме про лимонадный фонтан, марципановый замок, Розовое озеро, населенное феями, и Рождественскую рощу. Мама слушала, улыбалась и покачивала головой.

— Тебе, Мари, приснился чудный сон, — сказала она.

Но Мари прижала руки к груди и воскликнула:

— Мамочка! Какой же это сон, если меня привел туда молодой принц Дроссельмейер, мой несравненный Щелкунчик?

Тут уж мама рассмеялась. Засмеялся и вошедший в спальню отец. Грубо захохотал вбежавший следом Фриц.

До слез было обидно Мари. Она вскочила с постели, бросилась в гостиную и раскрыла стеклянные дверцы шкафа. Там на средней полке стояла маленькая сафьяновая коробочка. Мари схватила ее, раскрыла и вынула горсть крохотных золотых корон. Все, что осталось от семиголового мышиного короля.

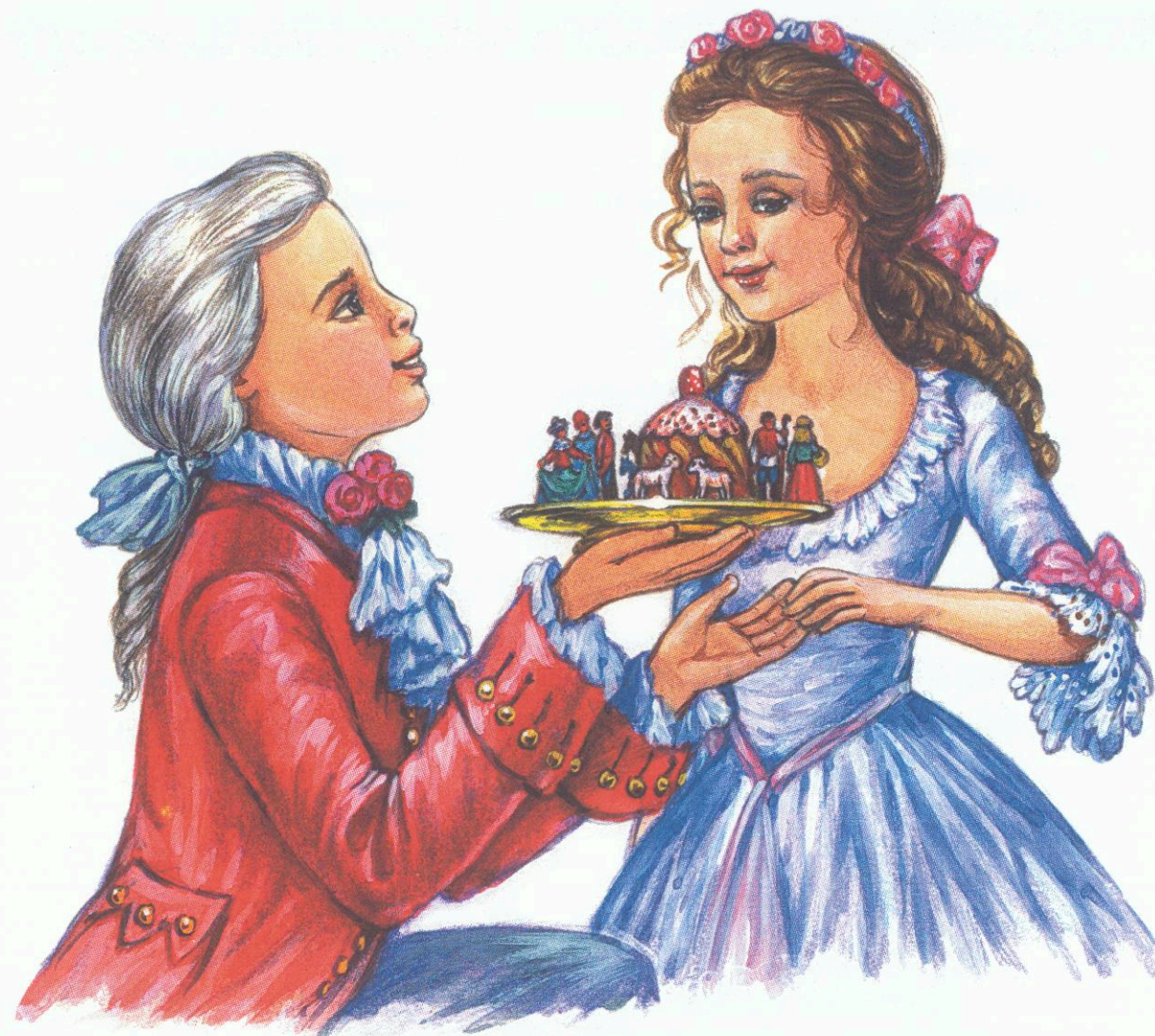
Все домашние склонились над удивительными, тончайшей работы коронами. Казалось, их выковали не руки человеческие, а ловкие лапки малюсеньких существ. Всплеснула руками мама. Покачал головой отец. Молча свел брови Фриц. Теперь уже никто не смеялся. Вдруг растворилась дверь, и в комнату вошел крестный Дроссельмейер. Он был по-прежнему в своем кургузом нелепом камзоле и пудренном парике.

— Что случилось? — спросил крестный и тут увидел на ладони Мари крошечные коронки. — А, узнаю! — улыбнулся старый Дроссельмейер. — Эти коронки я носил на серебряной часовой цепочке вместо брелоков и подарил своей крестнице Мари, когда ей исполнилось ровно два года.

— Ну вот, — обрадовалась мама, — все и разъяснилось. Но я не могу припомнить вашего подарка, господин Дроссельмейер. Впрочем, это неважно.

Но для Мари это было очень важно! Теперь ведь ей никто не поверит, хотя она никогда не сможет забыть чудесного путешествия в сладостную и сказочную страну принца Щелкунчика, юного Дроссельмейера, племянника ее крестного. И почему он все скрывает? Зачем же тогда поведал им с Фрицем правдивую историю о крепком орехе Кракатук?

С того дня Мари, боясь насмешек, уже никому не рассказывала о своем принце Щелкунчике. Вечерами она садилась

на маленькую скамеечку у стеклянного шкафа, и к ней тут же возвращались звуки песенки о фее, порхающей над Розовым озером, терпкий аромат хвойных лап в Рождественской роще, шелест лимонадных струй фонтана в Марципановом замке, веселый гомон человечков в городке Конфеттен. Часто Мари пыталась заговорить с Щелкунчиком. Но тот упорно молчал. Наверное, обиделся на всех домашних, которые не верили ни в его доблестную победу над мышиным королем, ни в кукольное королевство, сказочнее которого и не бывает. Обиженно молчали и его сестры, принцессы

Трухен и Клерхен, притворяясь бессловесными куклами. Горько вздыхала Мари, но все же не теряла надежды, что заколдованный уродец Щелкунчик превратится когда-нибудь снова в прекрасного юного принца Дроссельмейера. Уж она-то ни за что не прогонит его, как это сделала надменная Пирлипат!

— О, милый господин Дроссельмейер! — тихонько вздыхала Мари. — Как бы я хотела снова оказаться рядом с вами в чудесном замке!

Она задумалась, забылась и не сразу заметила вошедшего в комнату крестного Дроссельмейера. Рядом с ним стоял ладный молодой человек в великолепном, шитом золотом алом кафтанчике и белых шелковых чулках. Волосы его были завиты и напудрены, а на спину свисала крепко запле-

тенная косица. В петлице кафтанчика благоухал крохотный букетик фиалок.

— Познакомьтесь, — сказал крестный Дроссельмейер, — это мой племянник.

Юноша вынул из петлицы букетик и с поклоном преподнес его Мари. Кроме того, он подарил ей множество маленьких сахарных куколок взамен тех, что сгрыз мерзкий мышиный король. Мари зарделась.

Фрицу любезный молодой человек вручил посеребренную саблю в кожаных ножнах.

Мама пригласила всех за стол. И тут юный племянник всех поразил, с легкостью разгрызая самые твердые орехи. Он щелкал их один за другим, и скоро на столе высилась горка сочных ядрышек. А юноша положил на зуб очередной

орех, напрягся, дернул себя за косицу и — крак! — скорлупа треснула. Он улыбнулся, показывая ровный ряд жемчужных зубов, и протянул ядрышко Мари. Теперь она и вовсе смутилась и стала совсем пунцовой.

Старый Дроссельмейер заметил, как покраснела Мари, улыбнулся и предложил ей пойти в гостиную вместе с гостем и развлечь его своими игрушками.

Стоило юному Дроссельмейеру остаться наедине с Мари, как он вдруг опустился на одно колено и торжественно произнес:

— О, несравненная мадемуазель Мари! Узнаете ли вы меня? Я тот, кому вы спасли жизнь, уродец Щелкунчик. Но стоило вам шепнуть, что не отвергли бы меня, как Пирлипат, и ко мне вернулся мой прежний облик. Вот моя рука и вот мое сердце! Примите их, и мы вместе будем царствовать в сказочном Марципановом замке.

И с этого мгновения Мари стала невестой сказочного принца. Прошло время, и он, говорят, увез ее в своей золоченой карете, запряженной длинногривыми лошадками, которые громко цокали серебряными подковами по гладкой, словно леденцовой, мостовой. На их свадьбе плясали и пели нарядные куклы, играли сахарные трубачи и пряничные барабанщики.

СОДЕРЖАНИЕ

Ганс Христиан Андерсен

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

<i>Рассказ первый.</i> Зеркало и его осколки	7
<i>Рассказ второй.</i> Мальчик и девочка	10
<i>Рассказ третий.</i> Цветник женщины, умевшей колдовать	23
<i>Рассказ четвертый.</i> Принц и принцесса	40
<i>Рассказ пятый.</i> Маленькая разбойница	55
<i>Рассказ шестой.</i> Лапландка и финка	64
<i>Рассказ седьмой.</i> Что происходило в чертогах Снежной королевы и что случилось потом	71

Морис Метерлинк

СИНЯЯ ПТИЦА

<i>Глава первая.</i> Фея Берилюна	83
<i>Глава вторая.</i> Заговор	93
<i>Глава третья.</i> Страна Воспоминаний	99
<i>Глава четвертая.</i> Владения Ночи	110
<i>Глава пятая.</i> Война деревьев	125
<i>Глава шестая.</i> Сад Радостей	136
<i>Глава седьмая.</i> Царство Будущего	145
<i>Глава восьмая.</i> Возвращение	153

Эрнст Амадей Теодор Гофман

ЩЕЛКУНЧИК И МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ	163
---	------------

УДК 821(100)-34-053.2
ББК 84(0)
А65

Для младшего школьного возраста

Андерсен Ганс Христиан. **СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА**

Перевод А. Ганзен

Метерлинк Морис. **СИНЯЯ ПТИЦА**

Пересказ Л. Яхнина

Гофман Эрнст Амадей Теодор. **ЩЕЛКУНЧИК И МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ**

Пересказ Л. Яхнина

Сборник

Художники Ирина и Александр Чукавины

Редактор О.Ф. Трифонова

Компьютерный дизайн переплета Н.А. Хафизовой

Компьютерная верстка Н.А. Сидорской

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.014255.12.08 от 23.12.2008 г.

Подписано в печать 21.05.2009. Формат 84×108^{1/16}
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 7000 экз. Заказ № 1864

ООО «Издательство АСТ»

141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса:

www.ast.ru; E-mail: astpub@aha.ru

ISBN 978-5-17-056559-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-24515-2 (ООО «Издательство Астрель»)

Отпечатано с электронного носителя в ОАО «Первая Образцовая типография».
115054, Москва, Валовая, 28

© Л.А. Яхнин, текст, 2009

© ООО «Издательство АСТ», 2009

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-056559-7

85170 565597